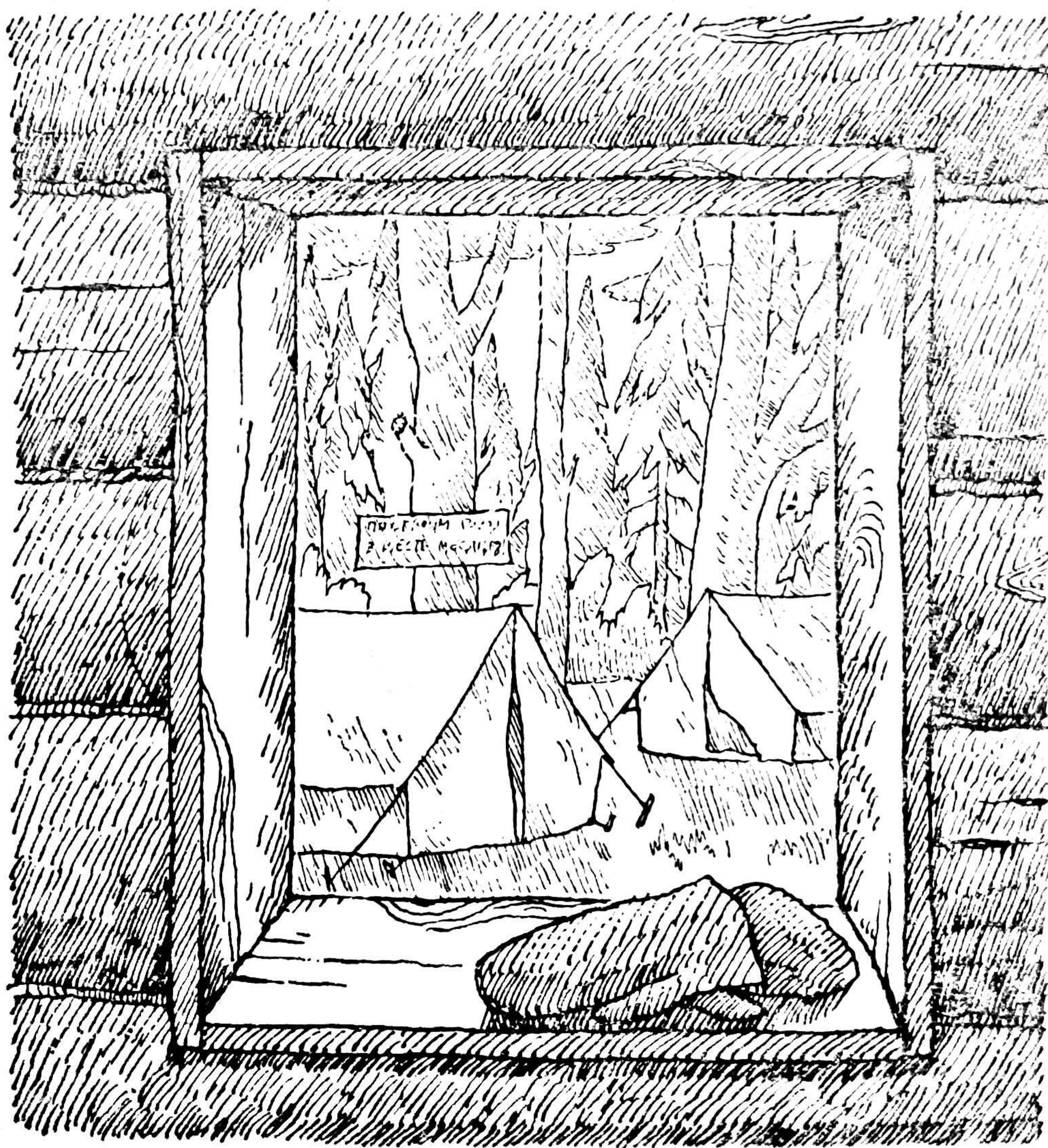

ГОРОД НА ЗАРЕ

Драматическая хроника
в трех действиях,
шести картинах,
с тремя интермедиями

Другу Валентину Плумеку — человеку, которому пьеса эта обязана своим рождением, соратникам по студии Зиновию Гердгу и Исаю Кузнецову посвящаю.

5 февраля 1937 г.

А. Арбузов

Действующие лица

Хор

комсомольцы, строители города.

Добров Игнат Иванович

начальник строительства, 50 лет.

Наташа

его дочь.

Аграновский Лев

секретарь комсомольского комитета, впоследствии начальник лесорубного участка.

Белоус Костя

моряк Приамурской флотилии.

Жмельков Иван

тульский колхозник.

Зорин Леша

бригадир на корчевке.

Альтман Вениамин

юноша из Одессы.

Зяблик

мечтатель из Саранска.

Аленушкин Женя

из местных.

Кротов Жора

парень из Ростова.

Оксана

пионервожатая с Московского электрозавода.

Корнева Леля

студентка МГУ, редактор многотиражки.

Нюра

шофер.

Время действия 1932—1933 годы. Дальний Восток.

Стихи в пьесе написаны

Всеволодом Эдуардовичем Багрицким.

Действие первое

Картина первая

20 июня 1932 года. Обрывистый берег Амура. Солнечный день. Комсомольцы — строители будущего города — окружают небольшой холм. Они стоят среди ящиков и тюков, среди узелков, корзин и чемоданов и поют «Интернационал»:

«...Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Безь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...»

Внезапно хор поющих замолкает, и вся картина митинга застывает в неподвижности. Одна из фигур, стоявшая на холме, оборачивается к нам и быстро сбегает к авансцене. Это Белоус — бывший моряк Приамурской флотилии. Освещенный лучами прожекторов, он обращает к нам свое слово.

Белоус. Знаешь ли ты, что такое счастье? А ты? Ты? К чему ты стремишься, о чем мечтаешь, чего хочешь, мой друг, мой брат, с которым разделяет меня половина века? Как бы я хотел пробиться через эти пятьдесят лет и хоть часочек провести за беседой, заглянуть в твои глаза, комсомолец будущего, узнать твои мысли, твои надежды. Тревожат ли тебя, как тревожили нас, далекие дороги и нехоженые тропы? Знаешь ли ты радость ночных споров, не забыл ли закон великого комсомольского товарищества? Готов ли, как мы, отдать жизнь за бессмертное ленинское дело? А что, если ты заскучал и стал не по годам солиден и важен — не встаешь на защиту товарища по первому зову своей партийной совести и научился жить в мире с неправдой и несправедливостью? А что, если ты ищешь

счастья в тишине и одиночестве и остыла твоя вера в то святое дело, которому мы отдали нашу молодость, наши жизни? Если это так, мне жаль тебя — никогда не узнать тебе настоящего счастья! А мы — скажу это с гордостью — знали его. Разве не счастьем бились наши сердца в тот незабвенный день двадцатого июня тысяча девятьсот тридцать второго года, когда мы сошли на амурский берег и, стоя среди ящиков и тюков, корзин и чемоданов, пели, пели пересохшими от счастья глотками...

«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...»

Картина митинга оживает, хор подхватывает слова Белоуса, который снова взбегает на холм, и вот уже вся толпа в радостном движении снова поет гимн:

«...Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем — тот станет всем.
Это есть наш последний и решительный бой
С Интернационалом воспрянет род людской».

Оксана (взбегает на вершину холма). Клянемся партии, клянемся правительству, не щадя своих сил, жизни своей не щадя, здесь, на берегу Амура, построить комсомольский город... Город обороны! Да здравствует ленинский комсомол!

Аплодисменты.

Натasha. Да здравствует партия большевиков!

Аплодисменты, крики, приветствия.

Белоус (размахивая бушлатом). Да здравствует сегодняшнее утро — утро нашего приезда! Да здравствует... (Не находя нужных слов.) Ура!

Приветственные крики.

Леля (взбегая на холм). Товарищи!.. Товарищи, предлагаю приветствовать нашего секретаря Льва Аграновского.

Аплодисменты.

Аграновский (поднимая руку). Митинг, посвященный началу строительства, считаю оконченным. Первое наше задание, разгрузку парохода, мы выполнили отлично. (Улыбнулся.) Поработали славно...

В толпе веселое оживление.

А теперь — отдыхайте, товарищи. Знакомьтесь — вот тайга, вот наше дальневосточное небо, вот Амур...

Все молча осматриваются.

Нюра. Красота...

Зорин. Славная речушка...

Зяблик. Амур... образуется из рек Шилки и Аргуни. Впадает в Татарский пролив. Длина — две тысячи девятьсот сорок пять километров.

Зорин (помолчав). Хоть бы два барака построили.

Жора. Да, ничего кругом нет.

Оксана (оглядываясь). Одна тайга.

Аграновский. А через шесть месяцев здесь будет город.

Общее оживление. Громко обсуждая последние слова Аграновского, толпа расходится по берегу. Слышны крики: «Эй, Ростов!», «Даешь, Самара!», «Рыбинцы, ко мне!»

Зорин. Ну и разгрузочка. (Альтману.) Что, устали, товарищ?

Альтман. Немного. Было трудно.

Зорин. Не беда. Свежий воздух, солнышко... Очень способствует. Может, окунемся?

Альтман (смущаясь). Я, видите ли, не купаюсь...

Оксана, Леля, Нюра тащат брезент для палатки. С другой стороны берега, обнявшись, идет шеренга ребят. Среди них Белоус, Жора. Они поют только что сложенную песню:

«Кругом сопки обошли — на Амуре встали.
Эй, эй, э-ха-ха, на Амуре встали».

Белоус. А ну, девчата, у кого отзывчивая душа?

Н ю р а. А она тебе на что, морячок?

Б е л о у с. Купаться пошли... Составьте компанию!

Девушки подхватили песню:

*«На востоке можно жить,
Есть что строить-соорудить.
Эй, эй, э-ха-ха,
Есть что строить-соорудить».*

Песня удаляется, все ушли. Только Наташа осталась и пишет письмо, да Зорин не может управиться со своим чемоданом и гармошкой. На берегу, оглядываясь по сторонам, с деревянным чемоданчиком в руках появляется Жмельков.

З о р и н. У вас, товарищ, огонька прикурить не будет?

Ж м е л ь к о в. Сами не курим, а огонек имеем. (Всматривается в Зорина.) А ну, погоди...

З о р и н. Жмельков... Ванюшка?..

Ж м е л ь к о в. Леша... Лешка Зорин!

З о р и н. Вот встреча... Ты на каком пароходе плыл-то?

Ж м е л ь к о в. На «Колумбе». А ты?

З о р и н. На «Коминтерне».

Обнимаются.

Из деревни, что ли?

Ж м е л ь к о в. Прямехонько.

З о р и н. Ну, рассказывай — как вы там... Изменилось, как говорится, лицо деревни?

Ж м е л ь к о в. Да вроде изменилось...

З о р и н. Дом-то наш не сломали?

Ж м е л ь к о в. А зачем его ломать? Дом хороший, крепенький.

З о р и н. Так-так... (Вздыхнул.) Давненько я не был в деревне, давненько...

Ж м е л ь к о в. А помнишь, Леша, как мы в сад к Фомичеву за яблоками лазали? А Витюшку помнишь?

З о р и н. Помню. Я, Иван, все помню. И любовь свою первую...
Вышла небось замуж?

Жмельков. Прошлым летом.

Зорин. Эх... (Оглядел Жмелькова.) Ну, а ты как?

Жмельков. Я что ж... Семь классов закончил, в колхозе затем плотничал... А в общем выдающегося — ничего. Ты-то где побывал?

Зорин. Да всюду пришлось. Как уехал из деревни, поступил на завод. Ну, малость, конечно, побродяжил. Любопытно ведь... Так что нагляделся всякого.

Жмельков. Пальтишко-то... подходящее. И костюмчик!

Зорин. А теперь вот комсомольская организация сюда прислала... в самую глушь. (Помолчав.) Первыми людьми в городе будем.

Жмельков. Да, собираются ребята город строить... (Неопределенно.) Что ж... поживем — увидим.

Зорин (озорно). Ничего-ничего — построим городишко!

Жмельков. Ребята здесь вроде подходящие...

Зорин. Мелкоты много.

Жмельков. Не без этого.

Зорин. Пойдем-ка, Иван, окунемся. Речушка тут первый сорт.

Жмельков. Окунуться можно. Сундучок-то с собой взять?

Зорин. С собой надежнее.

Жмельков. Вот и я думаю.

Зорин и Жмельков уходят. Вбегают Леля, за нею появляются Оксана и Нюра. Вдали слышны крики купающихся. Скоро наступит вечер.

Леля. А как здесь здорово! Когда я уезжала из Москвы, я представляла себе, что будет здорово, но что так здорово — не представляла...

Оксана. Да... Я тоже не представляла, что ничего нет... Ни одного барака.

Леля. А вот и не надо, чудак!.. Построим все сами... Все — от первого барака до огромного комсомольского проспекта, где будут гигантские дома и липовая аллея... Девчата, вы любите липовые аллеи?

Н ю р а (с интересом разглядывает Лелю). А ты складно говоришь. Вали дальше — описывай!

О к с а н а (возится с брезентом). Палатку здесь поставим?

Л е л я. Да, здесь хорошо. Сегодня будет чудная ночь.

Н ю р а (Наташе). Кому пишешь-то — брюнету или блондинчику?

Н а т а ш а. Что вы!.. (Улыбнулась смущенно.) Отцу.

Н ю р а. Быстро соскучилась... (Вынув хлеб, жует.)

Н а т а ш а. Нет... Отца так часто перебрасывают с места на место, что видимся мы очень редко. Вот и сейчас, когда уезжала из Москвы, не пришлось проститься. (Помолчав.) Он будет беспокоиться, куда я исчезла, потому что, знаешь, я довольно часто хвораю... (Улыбнулась.) Особенно весной.

Н ю р а. Да, бледненькая ты пни-то корчевать.

Н а т а ш а. Вовсе нет! Работать я могу, как все.

Н ю р а (протягивает ей хлеб). В таком случае закусывай. Еда, сестреночка, — мать работы.

Н а т а ш а. Спасибо.

Л е л я (бросает Оксане веревку). Держи веревку... А ты где училась? В Москве?

О к с а н а. Я работала на электрозаводе. И еще была пионервожатой. А учиться не пришлось — матери надо было помогать. А ты много училась?

Л е л я. Нет... Кончила девятилетку, а потом поступила в МГУ на филологический... В общем, чепуха!

О к с а н а. Нет, это много.

Л е л я. Что ты... Я неуч... Честное слово — неуч.

О к с а н а. Тебе сколько лет?

Л е л я. Двадцать. А тебе?

О к с а н а. Угадай.

Л е л я. Двадцать пять.

О к с а н а. Нет. Девятнадцать.

Пауза.

Л е л я. Ты обиделась?

Оксана. Что ты!..

Леля. А ты не горюй... Школярство — это, знаешь, такая тоска, особенно для отличника! Нет, хочется настоящего дела... Создать комсомольскую газету, да такую, чтобы и в Москве ахнули... Заголовки, иллюстрации, фельетоны! Как тебе — не знаю, а мне вообще-то Москва надоела до ужаса... И студиозы. Да... Влюбиться бы здесь в настоящего парня-героя... Не мечтаешь?

Нюра (весело). Эх, не дразни, сестричка!..

Наташа. Я пойду на пристань отправить письмо. А вы поглядите за вещами. Ладно? (Уходит.)

Оксана (Леле). Ну, натягивай брезент... Так, готово.

Слышится песня: «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке...» Входят после купания Жмельков и Зорин. Мокрые, веселые.

Леля. Вот и первый дом в городе.

Жмельков (с любопытством и некоторой застенчивостью разглядывает девушек). А девчатам трудновато придется.

Зорин. Ну — девчата вопрос второстепенный.

Нюра. А это смотря в каком смысле.

Зорин. В самом непосредственном.

Нюра. Ох, браточек, смотри, пробросаешься.

Вваливается группа ребят, среди них Жора и Белоус, затеявшие шутливую драку.

Жора. Ребята, этот тип почему-то купался в рубахе, а теперь вылез и снимать ее не хочет... (Белоусу.) Пойми, чудило, это ж верный грипп.

Белоус (Жоре). Уйди от меня. Честью прошу.

Зорин. Э, снять с него рубаху силой, и все дело...

Нюра. Ребята, налетай!..

Белоус. Стой, братцы, нельзя ее снимать!.. Мне без рубахи невозможно... Девчата, отвернись!..

С Белоуса стащили рубаху, под ней оказалась невероятная татуировка. Все отступают, ошеломленные.

Зяблик. Ого! Признаки атавизма.

Нюра. Вот это живопись!..

Леля. Третьяковская галерея какая-то...

Зорин. Это где же вас так разрисовали?

Белоус (натягивая на себя рубаху). В Южной Америке.

Общее удивление.

Отец у меня на торговом корабле работал, выпил однажды лишнюю чарку и не вернулся на корабль... А я с отцом плавал — матери у меня не было, — и оставили меня на том корабле юнгой. Побывал всюду — и в Австралии, и в Новой Гвинее, и на Борнео. Вот тогда-то меня и разукрасили. Мальчишкой был — хотел геройство свое показать, а теперь мучайся всю жизнь!..

Зяблик. А ты действительно был на Борнео?

Белоус. Я, брат, за двадцать семь лет жизни по всему свету пробежку сделал.

Оксана. А языки какие-нибудь знаешь?

Белоус. Да, понемножку все знаю.

Зяблик. И китайский?

Белоус. Вот китайского не запомнил.

Зяблик. А я знаю. Я изучал китайский язык.

Жора. Э, братцы! Да ведь это тот, что в очках нырлял.

Белоус. Ты откуда, парень?

Зяблик (гордо). Из города Саранска.

Леля. Врешь, нет такого города... (Смеется.)

Зяблик (заносчиво). А вы палатку неверно поставили. Ее поставить надо, чтобы Луну видно было.

Оксана. Луну? Почему Луну?

Зяблик (с некоторой таинственностью). Потому что Луна — самая близкая к нам планета.

Нюра. А ты, может, случаем, был на Луне?

Зяблик (вспыхнул). Почти был!..

Оксана (ехидно). А ты не врешь?

Зяблик (погас). Вы ничего не знаете, с вами скучно. (Отходит в сторону.)

Зорин (Белоусу). Товарищ матрос, а товарищ матрос, а почему вы, позвольте спросить, море ваше променяли на сухопутную жизнь?

Белоус. А я из коммерческого флота был взят в военный, служил в боевой Приамурской флотилии, так что эти места мне знакомые и моему сердцу близкие... А тут получаю весть — город будут на Амуре строить, вот я, отслужив срок, и попросил сюда направление... *(Подошел к Оксане, которая ему явно понравилась.)* У меня в душе, как у человека морского и бесприютного, давно желание есть — иметь родной город.

Оксана *(улыбаясь, смущенно).* А ты занятно разговариваешь...

Белоус. Ну? Я всегда неразговорчивый был... *(С флотской галантностью.)* Но последнее время у меня тоска по разговору.

Зорин и Жора понимающе поглядывают друг на друга и, томно напевая, идут к Оксане и Белоусу:

*«Я Колю встретила на клубной вечеринке,
Картину ставили тогда «Багдадский вор».
Глазенки карие и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костер».*

Белоус, смущенный отходит.

Нюра *(замахивается полотенцем на Жору и Зорина).* А ну, пошли, пошли отсюда... чижики!

Смех. Темнеет. Все негромко подхватили песню. Ребята роятся у себя в чемоданах, располагаются на ночь. Возвращается Наташа.

Леля. Ты была на пристани?

Наташа. Да... Скоро уйдет пароход.

Пауза.

Белоус. Ну, время ко сну готовиться. Завтра начнем работу.

Леля. А через шесть месяцев построим город.

Зорин. Барышня, а барышня, а вы строили города?

Л е л я. Что это значит — барышня! И вообще, что это за разговор? На митинге были? Были. Аграновского слышали? Слышали. Построим в шесть месяцев.

З о р и н. Вам не терпится, октябренок.

Л е л я. Я с вами разговор прекращаю.

З я б л и к (размотал свое одеяло, в котором оказалось зеркало).
Наблюдая себя, человек познает мир.

Все увидели зеркало. Смех. Общее удивление.

О к с а н а. Ребята, зеркало!..

Ж о р а. Похоже — старинное...

Н ю р а. Эй, Саранск, зачем трюмо с собой привез?

З я б л и к. Это память о моей бабушке. Она воспитала меня, а когда умерла, оставила это зеркало... Хорошая была старушка. Я ее китайскому языку учил.

О к с а н а. А где же твои остальные вещи?

З я б л и к. Остальных у меня нет. Еще вот зубная щетка...

О к с а н а. А костюм? А пальто?

З я б л и к. Ничего у меня нет. (Гордо.) Зато зеркало.

Ж о р а. Да... Пропадешь ты здесь.

З я б л и к. Увидим. Я вещи отвергаю в принципе.

Б е л о у с (кричит сверху). А ну — спа-ать!

Эхо повторяет.

Ребята, здесь эхо... (Кричит.) Э-ге-гей!

Эхо отвечает.

Л е л я. Давайте все вместе — три, четыре...

В с е. Э-ге-гей!

*Эхо отвечает. Все слушают. Возникает тишина. Закукова-
ла кукушка.*

Н ю р а. Ребята, кукушечка!..

Л е л я. Кукушка, а кукушка, сколько мне жить осталось? (Считает.) Раз, два, три, четыре...

Разрушая создавшееся очарование, кукушка искусно исполняет мелодию чижика. Наконец появляется и сама «кукушка» — это так и не нашедший себе места Альтман. Все смеются.

Что вы бродите? Не нашли себе места? Присоединяйтесь к нам.

Альтман. Спасибо.

Альтман идет к костру. Молча смотрит на огонь, все наблюдают за ним — заинтересовала его скрипка.

Зорин. А вы откуда, товарищ?

Альтман. Из Одессы.

Нюра. А я краснодарская.

Жмельков. А мы тульские.

Зяблик (значительно). Я из Саранска.

Альтман (вежливо). О, это интересно. (Зорину.) А вы откуда будете, товарищ?

Зорин. А я, я из разных буду городов.

Жора (рассматривая скрипку Альтмана). Играешь?

Альтман (помолчав). Нет.

Жора. Зачем же ты ее за собой таскаешь?

Альтман. Может быть, я когда-нибудь выучусь. А может быть, у нас в городе будет симфонический оркестр. (Улыбнулся.) Пригодится.

Все замолчали. Стало совсем темно. Трещит костер. Причудливые тени тайги подступили к Амуру.

Наташа. Как темно стало...

Зяблик. Ага, я говорил... Тучи за Амуром!

Зорин. «Тучки небесные, вечные странники...».

Пауза.

Жмельков (неожиданно). Я на вещах спать буду.

Нюра. Тьфу ты, пропасть!..

Аленушкин. Рассказывали мне об этой тайге. Ох, жуткое место! Осенью здесь ливни идут, разливы рек бывают... Уйдет человек в тайгу — и не вернется.

Альтман. То есть как — не вернется?

Ребята с интересом окружают Аленушкина.

Аленушкин. Ушли в тайгу пять охотников, а в это время ливни начались, разлились реки, болота вокруг. Хотят они из тайги выйти и не могут — кругом вода. Бросились двое из них вплавь — погибли в воде, сил не хватило. А трое живых на деревья влезли, привязали себя к стволам и ждут своего спасения... А вокруг птицы летают, воронье — смерть их караулят. Спала вода, вышли к ним люди на спасение и видят — двое померли в своей тоске, а третий в уме решился, висит на дереве и кричит, будто птица... Вот она — тайга.

Молчание. Вдали гудок отходящего парохода.

Наташа (в волнении). Уходит... Пароход уходит!..

Жмельков. Братцы... Эх, братцы!.. (Бежит к берегу.)

Зорин. Ванька, вернись!..

Все (стоя на берегу, машут платками и шапками). Прощай-те, това-ри-щи!..

Отвечает эхо, затем, словно в ответ, гудок парохода, но уже в отдалении. Зорин берет гармонь и тихонько наигрывает что-то.

Жмельков (возвращается). Ушел...

Наташа. Ушел.

Зяблик. Сейчас у нас в Саранске музыка в парке играет.

Наташа. Нет, там еще ночь. (Пауза.) Как мы далеко...

Зорин (тихо). Да... далече. (Запел.)

«Там вдали за рекой догорали огни,

В небе ясном заря загоралась.

Сотня юных бойцов из буденновских войск

На разведку в поля поскакала».

Альтман. Холодно здесь... (Зяблику.) Вы будете спать?

Зяблик. Зачем? Я хочу увидеть, как солнце всходить будет.

Песню подхватили. Все уже легли, стало тихо, только песня звучит.

Оксана. А звезды здесь какие... много их.

Леля. Сосчитай-ка...

Зяблик. А у меня сестренка в Саранске осталась...

Неожиданно резкие крики какой-то неведомой птицы. Песня оборвалась.

Наташа. Что это?

Белоус. Птицы такие... голос у них на человеческий похож...

Зяблик. Там ходит кто-то...

Белоус. Будет врать...

Оксана. А туча-то какая идет...

Резкий порыв ветра.

Наташа. Что это?

Зяблик. Дождь!.. Я говорил. Я знал.

Белоус. Амур-то... Словно кипит.

Снова порыв ветра.

Жмельков. Держи палатку... Унесет!

Жора. Дождь!.. Дождь, ребята!

Общее смятение.

Зорин. А, черт, будь ты проклят!..

Аленушкин. У, собачья судьба.

Леля. Ребята, ребята, что же делать?..

Нюра. Ах ты, мать ты, пресвятая богородица!

Белоус. Спокойно, хлопцы!..

Ветер свалил палатку, зашипел гаснущий костер, стало темно. Наверху — фигура человека с фонарем, это Аграновский.

Жора. Сволочь, держи ящик...

Зорин. Это кто под ногами? Не лезь под ноги, сукин сын!

Нюра. Ой, мамочка!..

Жмельков. Пропали, братцы!

Аграновский (стараясь перекрычать шум ревущей стихии).

Спокойно товарищи! У берега сложены продукты. Спать не будем! Комсомольцы — на аврал! Все — на аврал!..

По берегу бегут люди с фонарями. Ливень.

ХОРОВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Трибуна хора. На ней расположился весь коллектив исполнителей спектакля, образующий хор строителей города. Внизу, под трибунами, установлены две игровые площадки, на которых попеременно разыгрываются сцены-интермедии.

Хор (поет).

У березки мы прощались,

Уезжал я далеко,

Говорила, что любила,

Что расстаться нелегко.

Вот он, край мой незнакомый,

Сопки, лес да тишина,

Солнце светит по-другому,

Странной кажется луна.

На работу выйдем скоро,

Будет сумрак голубой,

Будет утро, будет город —

Молодой, как мы с тобой.

Ты приедешь издалека,

Мы по улицам пройдем,

Зданья, площади, бульвары

Мы своими назовем.

Голоса из хора. Хорошее нынче утро...

— Да, уж чего лучше...

— И комары не кусают...

— Коля, миленький, неужели лето скоро кончится?

— Всему приходит конец. Прощай, август...

Хор. Прощай, лето!..

Женский голос. А знаете, ребятки, я, когда из дому уезжала, посадила у своего окошечка яблоньку... Как-то она там живет без меня, бедная?..

Первый мужской голос. А у нас яблони будут расти на улицах — и весной весь город будет утопать в яблоневом цвете. И никто из нас не будет рвать яблок, пока они не созреют, потому что в нашем городе не будет сторожей.

Второй мужской голос. Мечты — пусть детские, пусть наивные, но всегда легкие и веселые, как они помогали нам жить в то трудное, первое лето! Наши мечты... осуществятся ли они когда-нибудь?

Барабанная дробь — гул взрыва.

Зяблик (*выбегая на игровую площадку*). Взорвал?

Хор. Взорвал, черт тебя побери!..

Оксана (*выбегает на другую площадку и обращается к хору*).

Нет, я больше не могу с ним, ребята! Он работал в пяти бригадах, и из всех пяти его выгнали. В макаровской бригаде его просто избили и выбросили из палатки! Тогда я сжалилась и взяла его к себе — и вот он изобрел невзрывающийся порох, расплавил две пилы, променял свою спецовку на сушеную морскую звезду. И, наконец, сегодня достал откуда-то аммонал и взорвал скалу, которая решительно никому не мешала!

Зяблик (*обращаясь к хору*). Она мешала мне! Она мешала каждому, кто мечтает о будущем и не погряз, как эта женщина, в повседневном сегодня.

Оксана. Довольно! Больше в моей бригаде он работать не будет. Это фантазер и тип! (*Покидает площадку.*)

Голоса из хора. Ну, а что скажешь ты, Зяблик?

Возникает негромкая музыка.

Зяблик (*доверительно обращается к хору*). После работы я возвращаюсь в свою палатку и вижу, что ребятам скучно; они ничего не видят, кроме этой скалы. (*Увлекаюсь.*) И вот

я начал составлять карту будущего города... Согласно моему плану я взорвал эту скалу! И теперь по вечерам каждый из вас увидит перспективу будущего города — широкий Амур, полное звезд небо и луну, которая льет свой свет на площадь Фомы Кампанеллы, где согласно моему проекту мы установим памятник великому утописту... И когда на следующий день наша бригада выйдет на корчевку, она даст двести процентов плана!

Очарованный хор провожает уходящего с площадки Зяблика тихим шелестом аплодисментов, точно боится испугнуть то, о чем только что говорил юноша.

Голоса из хора. Наши мечты — осуществятся ли они когда-нибудь?

— Вспомнят ли о нас те, кто через двадцать-тридцать лет будет жить здесь, в новом городе?

— И каким он будет, этот город, который все мы в то лето называли городом нашей мечты?..

На площадку выходит Наташа, она устало садится возле какого-то пня, у нее почти нет сил, чтобы двигаться.

— Вечереет, медленно расходятся с корчевки ребята. И вот в лагере зажигаются огоньки — один за другим...

— Смотрите — Наташа... По мне, она лучше всех девчат в лагере, только я никому не говорю об этом...

— И зачем она взобралась на холмик и о чем думает?

— Вспоминает или мечтает о будущем? Милая Наташа...

Голова Наташи клонится все ниже и ниже, она засыпает. Входит Аграновский, ему жалко будить ее, он снимает с себя куртку, покрывает ею Наташу и молча садится рядом. Где-то далеко звук сирены и грохот взрыва.

Наташа (просыпается, оглядываясь). Аграновский...

Аграновский. Очень устала?

Наташа. С непривычки.

Аграновский. У тебя рукавицы смешные.

Н а т а ш а. Очень большие... У отца были такие же. В детстве любила их надевать.

А г р а н о в с к и й. Ты руку натерла... Дай-ка, я перевяжу.

Н а т а ш а. Ой, больно!..

А г р а н о в с к и й (улыбнулся). Потерпи... (Помолчав.) Знаешь, о чем я думаю, Наташа? О дружбе... О дружбе, которая помогает жить и работать. (Смотрит на нее.)

Н а т а ш а (опуская глаза). Я... Я понимаю...

Пауза.

А г р а н о в с к и й. Смотри, огоньки зажигаются. Красиво...

Н а т а ш а. Да... (Кладет ему руку на плечо.) Когда-нибудь здесь будет город.

Гонг. Игровая площадка погружается в темноту.

Г о л о с а из хора. Но каким же он будет, этот город, вот о чем мы все думали по вечерам — в то тяжелое, первое лето.

Мандолина заиграла старенький вальсик.

— Над Амуром все небо в звездах. Тишина... А ну-ка, ребята, гляньте — лодочка плывет.

— Да это наш морячок. Белоус Костя... Видно, соскучился по морю парень.

— А с ним кто?

— Оксана...

— Ох, девушки, я так и знала...

— И вовсе не ты — это я знала.

— А интересно — о чем они говорят, правда?

Гонг. Свет переносится на игровую площадку. По Амуру плывет лодочка — в ней Оксана и Белоус.

Б е л о у с. Хороша река Амур, но до моря ей далече. Тоскую я, Оксана.

О к с а н а. О ком, Костя?

Б е л о у с. По морю тоскую. Ты океан видела? Хорошее соору-

жение. А шторм — атлантический шторм!.. Эх!.. (Работает веслом.)

Оксана. Тише, Костя, лодку опрокинешь...

Белоус. Нет, у меня душа покоя не просит. Верно, потому я и понимаю Зяблика. Это ж золото, а не парень. Со скалой он, правда, немножко начудил, но в нем что-то есть.

Оксана. Что?

Белоус. Не знаю. Что-то. Он мне чем-то нравится.

Оксана. Чем?

Белоус. Черт его знает. Чем-то. (Помолчав.) Возьми-ка над ним шефство.

Оксана. Ну уж нет...

Белоус. Ты должна приходить к нему по вечерам, говорить на разные темы, интересоваться его книгами, следить за его постелью...

Оксана. Боюсь, это плохо кончится...

Белоус. Ерунда! Как член комитета поручаю Зяблика тебе.

Оксана. Дай мне погрести...

Они осторожно меняются местами. Тихо покачивается лодка.

Белоус. Не сердись, Оксана. Ты ведь моя умница, ты моя самая умная умница. (Достает из воды цветок, протягивает его Оксане.)

Гонг. Игровая площадка погружается в темноту.

Голоса из хора. Проходит ночь — и снова над Амуром утро...

— Гляди, ребята, наш «фордик» едет.

— Это Аграновский едет!

Хор. Здравствуй, Лева!

Гонг. Свет переносится на игровую площадку. В «фордике» едут Аграновский и Леля. У руля — Нюра.

Голоса из хора. А с ним что за дивчина?

— Редактор...

— Ладная девчонка!

— А плохая здесь «фордику» дорога, всюду грязь, развороченная земля, древесный сор — держись, «фордик»!

Хор. Держись!..

Аграновский (Леле). Что в редакции?

Леля. Наладила клише, завтра газета выйдет с иллюстрациями, как в Париже!

«Фордик» подбрасывает.

Ого!.. Осторожнее...

Нюра. Как ни верти — паршивая дорога: вторую машину гробим!.. (Кричит.) Лапушкину привет!..

Аграновский. А здорово мы здесь за два месяца наворочали... Тайга отступает по всему фронту!

Леля. Я Безыменскому написала — вот бы Сашка приехал!

Нюра (кричит). Капитонычу!

Аграновский. А ты почему с фотоаппаратом?

Леля. Надо снять ударника Жмелькова — отличился парень. Это что за домишко?

Аграновский. Баню ребята ставят.

Леля. А помнишь, когда мы приехали, какая здесь тишина была?

Нюра (кричит). Воронежцам привет!

Леля. Левка, гляди, нанайцы плывут по Амуру... Смешные лодочки.

«Фордик» подскакивает.

Ой... Ну и грохот!..

Аграновский. Пристань строят. Хорошо!..

В последний раз «фордик» подскочил и остановился.

Нюра. Слезай!..

Хор (с улыбкой). Приехали...

Гонг. Свет переключается на вторую площадку. У плаката «Построим город в шесть месяцев» стоит Леля с фотоаппаратом. На площадку выходит Жмельков.

Жмельков (оборачиваясь к хору). А вы там лопаты стерегите, а то опять соседняя бригада сопрет... У них там химии.

Хор. Чего?

Жмельков. Химии, говорю.

Хор. А-а-а.

Леля. Здравствуй. Как бы тебя снять поэффектнее?..

Жмельков (снисходительно). Сняться можно. Я еще парень ничего.

Леля. Моя газета страничку ударника выпускает — ты у меня первый.

Жмельков. Ну? А не врешь?

Леля. Вот что — становись под плакат...

Жмельков. Это под какой под плакат?

Леля. Вот — «Построим город в шесть месяцев»... Выйдет эффектно.

Жмельков. Нету.

Пауза.

Леля. Чего нету?

Жмельков. Согласия нету. Не пойдет.

Леля. То есть как — не пойдет?

Жмельков. Так и не пойдет. Хоть верхом на корове снимай, а под этой липой — нету. Наша деревня годами строилась, а тут город за шесть месяцев...

Леля. Это что за разговор? Мы должны построить город в шесть месяцев, и ты как комсомолец возражать не имеешь права... Сравнил с деревней... Эгоцентрист! (Грозно.) Сейчас же иди под плакат.

Жмельков (срывает плакат и бросает его на землю). И весь разговор.

Леля. Это что же? Деревенская стихия? Партизанщина? Ты ответишь за это, Жмельков.

Жмельков. За ответом не постоим.

На площадку выбегают Зорин, Альтман, Зяблик, Оксана и другие строители.

Альтман. Что случилось, Леля?

Зорин (Жмелькову). Ты зачем не в свое дело лезешь? Правительственные плакаты рвать?.. Ты знай проценты выполняй — лопух!

Зяблик. Разорвал плакат? Правильно! Строить город в шесть месяцев. Это ж чепуха! В три месяца! Максимум в четыре...

Оксана (Зяблику). Пошел отсюда!..

Аграновский (входит на площадку). В чем дело?

Леля (дрожащим от волнения голосом). Вот... Я пришла снять Жмелькова для газеты... Вот... Говорю, становись под плакат... А он не хочет становиться и говорит: в шесть месяцев города не построить... Вот... А потом как сорвет плакат, а я его всю ночь рисовала.

Альтман. Зря.

Аграновский. Альтман, помолчи! Мне твои показатели известны! Работая, как ты, — в двадцать лет города не построим.

Леля. Стыдно, Вениамин, я и не знала...

Аленушкин. Инструмента в руки взять не умеют, а тоже лезут с указкой... Мы с ними на лесопилке вконец замучились!..

Нюра. Гнать отсюда таких халдеев!

Общее возмущение.

Зорин. Не позволю на парня клепать! Венька слаб и мало приспособлен... Но работает с душой, сколько есть силы работает!

Альтман. Перестань!

Жора. Только хлеб зря жуют — вот их работа.

Аграновский (Жмелькову). А ты тоже хорош!.. Герой труда, лучший ударник... Кулацкие разговорчики затеял! Зазнался? Показал свое хлебоборбское личико?!

Жмельков. Третий месяц корчем, а конца не видно... Инструмента нет!

Аграновский. Мы с вами не на Клязьме, а в тайге. Сейчас человек решает — не машина.

Жмельков. Цельное лето возили всякое барахло — ванны, стульчаки, трубы какие-то... А где топоры? Где лопаты? Овощи где?

Зорин. Ванька, брось.

Аграновский. О собственном брюхе заботишься?

Леля. Хорош комсомолец!..

Белоус (он вышел несколько раньше и молча наблюдал всю сцену). Не в то место бьешь, Аграновский... У хозяйственников наших линия бестолковая и вредная.

Леля. Что?

Белоус. Строительство простым инструментом обеспечить не могут — на одном энтузиазме выехать хотят!.. Оно конечно, на трудные условия ссылаться — дело не хлопотное... А ты смирился с этим, Левка, вот в чем беда.

Аграновский. Ты партиец, Константин, и весь этот разговор здесь по меньшей мере неуместен.

Леля. Стыдно, Белоус, член комитета... Противопоставлять комсомол хозяйственникам?..

Аграновский (обрывает ее). Здесь не место для споров.

Белоус. Время дороже. (Решительно.) Пошли, ребята.

Все уходят, кроме Альтмана. Он сидит задумавшись.

Наташа (из хора). Не печалься, Веня, ведь ты совсем не плохой парень. В нашем городе будет маленький переулочек — и верно, зачем тебе большой, Веня, — мы назовем его твоим именем.

Альтман. К черту! Не будет в нашем городе маленьких переулочков... Только проспекты! (Задумчиво.) Асфальт надо поливать из длинной кишки, тогда он пахнет бензином и фиалками. И я сам, сам буду поливать асфальт, и смешные стриженные мальчишки будут бежать за мной и, приплясывая, кричать: «Дяденька, окати!..»

Наташа (из хора). Но ведь ты хотел стать музыкантом?

Альтман. И что из этого. Музыкант в свободное время должен поливать улицы.

Гонг. Игровая площадка погружается в темноту.

Голос из хора. И снова проходит день. Тени становятся длиннее, и на землю опять опускаются сумерки...

Гонг. Свет переносится на игровую площадку. На пенке сидит Альтман. Возле него Зорин с охотничьим ружьем. Где-то близко играет мандолина.

Голоса из хора. А хороший нынче вечер...

— Да уж чего лучше...

— И комары не кусают...

— Вот и лето скоро кончится...

— Прощай, август...

Хор. Прощай, лето!..

Зорин (Альтману). Эх, дружок, и чего ты сюда приехал. Некурящий ты человек — вот что. И тебе невесело — небось и поговорить не с кем. Вон я у тебя в приятелях значусь, а кто я, к примеру, есть? Так, тульский, рязанский, намазаное рыло — работничек-мужичок. (Помолчав.) Слушай, Венька, как друг — другу, хочешь, буду подкидывать процентики. А то ведь тебе самому не вылезти.

Альтман (не сразу). Не надо. Попробую сам добиться.

Зорин. Как знаешь. Я ведь по дружбе.

На вторую площадку выходит Леля, она заметила приятелей и кричит им издали.

Леля. Э-ге-ге! Веня?..

Альтман (он близорук). Как это?

Зорин. Редактор...

Альтман (машет ей кепкой). Э-ге-ге-гей, Леля! Иди сюда!..

Исполнители из хора кладут между двумя площадками доску, и Леля медленно и осторожно переходит по ней к ребятам.

Леля. Ну, каковы сегодня успехи?

Зорин (улыбается). Будьте спокойны.

Лел я. Гуляете?

Зорин. Малость.

Лел я (Альтману). А ты что такой кислый?

Альтман. Оригинальничаяю.

Лел я. Ха.

Зорин неожиданно хватает Альтмана в охапку, вертит его.

Зорин. Эх ты, пупсик!..

Альтман (отбиваясь). Брось!

Зорин (ставит его на место). А впрочем, я вам не мешаю?
Есть такая игра — третий лишний. (Медленно переходит по бревнышку на другую площадку.)

Альтман (не сразу). Лел я...

Лел я. Ну? (Помолчав, свистит.) Угадай, что я насвистела?

Альтман. Не знаю...

Лел я. «Вениамин — ты дурачок».

Альтман. Тут-то она ему и сказала.

Лел я. Ничего она ему не сказала.

Альтман. Он славный парень.

Лел я. Кто?

Альтман. Зорин.

Лел я (помолчав). Да. Здóрово работает. На него во время корчевки приятно смотреть. Хамоват немного.

Альтман. Пустяки.

На другой площадке Зорин вскинул ружье, Выстрел. Брошенная из хора к ногам Лели падает ворона. Альтман поднимает ее.

Это не чайка.

Картина вторая

Мужской барак. Здесь же разместились редакция много-тиражки и красный уголок. Койки и скамейки тесно составлены. На стенах плакаты, стенгазеты, знамена. Вечер.

Тускло мигает лампа, в углу трещит железная печурка. На улице шум дождя и свист ветра. За столом Наташа, Нюра, Жмельков, Жора и несколько девушек играют в лото. На кроватях, у окна, лежат Зорин и Альтман. В противоположном углу Зяблик составляет какую-то карту. Возле него сидит Оксана.

Наташа. Три... дедушка... двенадцать...

Жора. Моя.

Наташа. Семь... Три сестры... Сорок...

Нюра. У меня.

Наташа. Четыре...

Жора. Я кончил. (Уныло.) Сегодня мне здорово везет.

Жмельков (без особой охоты). Сыграем еще?

Жора. Можно и еще.

Нюра. А можно и бросить.

Жора. А можно и не бросить.

Жмельков (лениво). Сыграем?

Жора (зевнул). Сыграем.

Наташа. Десять...

Жора. Моя.

Зорин. Вторую неделю — дождь. Вокруг болото, грязная жижа — и все. (Помолчав.) А какую мы вчера девчонку похоронили...

Наташа. Губки бантиком... шестнадцать...

Зорин. Тебе хочется умереть, Альтман?

Наташа. Сено косим... восьмерочка...

Зяблик (Оксане). Ну что ты сидишь? Ты приходишь ко мне каждый вечер и сидишь, сидишь... Неужели это интересно?

Оксана. Скажи, какие ты читал книги?

Зяблик. Я читал много книг, в Саранске отличная библиотека.

Оксана. А самая любимая книга у тебя есть?

Зяблик. Есть. «Путешествие на Луну» Сирано де Бержерака. Читала?

Оксана (растерянно). Нет.

Зяблик (махнул рукой). Э... Ничего ты не знаешь.

Наташа. Тридцать девять... одиннадцать.

Жмельков (Нюре). В газете про меня читала нынче?

Нюра. Эгоцентрист Жмельков? Читала. Впечатляет.

Жора. Переживаешь, Ванечка?

Жмельков подошел к патефону, крутит пальцем диск. Какофония.

Зорин. О, черт... •

Нюра. Музыка захотелось!

Жмельков. А все этот... Зяблик! Последнюю музыку сломал.

Зяблик. Не сломал, а усовершенствовал. Теперь у патефона вечный завод.

Жмельков. Да ведь не играет он!

Зяблик. Ну и что же? Зато вечный завод.

Жора. А кто часы мне испортил? Светящийся циферблат сулил, а они вовсе остановились.

Зяблик. А циферблат светится?

Жора. Светится.

Зяблик. Вот видишь! (Углубляется в работу.)

Оксана. Над тобой все смеются... Неужели тебе приятно быть посмешищем всей стройки?

Зяблик (задумчиво). Нет. Он не прав.

Оксана. Кто?

Зяблик. Наш архитектор. Фасады домов должны быть обращены на Амур.

Оксана (негодую). Ты невозможный, скрытный и хитрый тип... Да, да!.. Ты просто издеваешься надо мной!.. Неужели ты не понимаешь, что ты... смешон!

Оксана уходит.

Зяблик (один). Смешон... (Смотрит в зеркало.) Враки. (Помолчав.) Но если ты кажешься смешным женщине, значит, она к тебе равнодушна. (Подумал и испугался.) Неужели?

Наташа. Пять... тридцать четыре...

Н ю р а. Ох, я бы сейчас лапшой поплаталась...

Н а т а ш а. Сегодня должен прийти пароход из Хабаровска.
Последний пароход... с хлебом.

Ж о р а. Говорят, кроме хлеба пароход везет повидло и брынзу.

Ж м е л ь к о в (распаляясь). Горячий хлеб с повидлой. Заварим
чаек и с брынзой... Ой, ребятки!..

Н а т а ш а. Семь... Одиннадцать...

З о р и н (тихо). Слушай, Венька, мы пропадем здесь, пропадем,
понимаешь? (Лихорадочно.) Стоять в болоте и копать зем-
лю, разве я к этому стремился? Мы должны уйти отсюда...
уйти, уйти — понял?

А л ь т м а н. Ты что, шутишь?

З о р и н. Может, и шучу. Хочется мне такое сделать, чтоб все
перевернулось к черту.

З я б л и к (неожиданно). А я могу неделю не есть, я произво-
дил опыты. Могу.

Н ю р а. Сказки!

*За окном звуки похоронного марша. Все прислушива-
ются.*

Н а т а ш а. Что там?

А л е н у ш к и н (входя). Федька Канунников просил кланяться.

А л ь т м а н (потрясен). Федька?

А л е н у ш к и н. Он самый... сегодня в ночь.

А л ь т м а н бежит к выходу. З я б л и к — за ним.

Ж о р а. Шестнадцать сбоку — ваших нет. Кончил... готово.

Ж м е л ь к о в. Федюшка... (Ложится на кровать, с головой
укрываясь одеялом.)

Н ю р а. Ладно... Замнем.

А л е н у ш к и н. На пристани народ собрался... Ждут пароход —
с песнями...

Л е л я (входя). Опять лото. Опять маразм? А ну, живо все
убирайтесь!.. Мне газету делать надо.

Ж о р а. Дождь на улице... Куда ж идти?

Л е л я. После семи вечера здесь редакция газеты — сами знаете, барачков не хватает... Ну, до свидания, до свидания...

А л е н у ш к и н. И погреться-то негде...

Все нехотя уходят. В бараке остались Леля, Зорин и спящий Жмельков.

Л е л я (разбирая газетный материал, посматривает на Зорина). Ты что валяешься?

З о р и н. Устал я.

Л е л я. Если устал, ложись спать.

З о р и н. Мне при вас не спится.

Л е л я. Ты сегодня странный какой-то.

З о р и н. Малость есть.

Л е л я (помолчав). У тебя остался кто-нибудь там... в России.

З о р и н. Нет... Я сам по себе. (Не сразу.) Вот и станьте другом, ежели не жалко. (Подошел к Леле.)

Л е л я (засмеялась). Ну вот... Я и так друг тебе.

З о р и н. Это вы в шутку.

Пауза.

Л е л я (строго). Ты работать мне мешаешь, вот что.

З о р и н. Прощенья просим. (Рассматривает газетные материалы.) Как погляжу, любите вы в словечки поиграть.

Л е л я. Поиграть? (Фыркнула.) Тоже сказал. Газета — великая вещь. Я бы без нее, кажется, умерла.

З о р и н. Какие ужасы. (Садится с нею рядом.) А вы что рисуете? Я бы, извините, не так нарисовал. Я бы изобразил все покрасивше. (Взяв ее руку, водит по бумаге.) Домик здесь, в углу, а тут небольшой лесок... а там солнышко заходит... а сюда речка течет... а здесь птички поют. А возле речки стоит большой-большой дуб, а на самом его верху сидит маленькая-маленькая Лелечка... Вот она какая.

Л е л я. Смешная.

З о р и н. А возле дуба стоит Леша Зорин и смотрит на Лелечку... Вот он какой.

Л е л я. Смешной.

Зорин. Вот влезет сейчас на самую вершину дуба и поцелует Лелечку. (Смотрит на нее.)

Леля (помолчав). Чепуха, не поцелует.

Зорин. Ошибаетесь. (Целует Лелю.)

Леля. Как ты смеешь!.. (Бьет Зорина по лицу.)

Зорин. Конечно... Разве я для вас судьба! Необразованная деревенщина! На меня только во время корчевки смотреть интересно, когда я тайгу ворочаю... А то, что у меня в сердце, — вам все равно.

Леля. Лешка!.. (Быстро его целует.)

Зорин. Любишь? И замуж за меня пойдешь? Ну, говори, Лелька!

Леля молча кивает головой. Входит Альтман.

Альтман. Здравствуй... (Смотрит на Зорина.) Неужели он тебе не мешает?

Леля. Нет...

Молчание.

Зорин (поет, улыбаясь).

«Вдруг из леса пара показалась,
Не поверил он своим глазам —
Шла она, к другому прижималась...»

Альтман с недоумением смотрит на Зорина, тот резко оборвал песню.

Пошляцкая песня... как вам, маэстро? (Пауза.) Есть такая игра — третий лишний.

Альтман (раздражен). Да, есть, есть, черт побери! И тебе это давно пора понять.

Зорин. Слушаюсь. (Уходит.)

Леля (свистит). Угадай, что я насвистела?

Альтман. Не хочу. (Мрачно.) В комнате не свистят.

Леля (подбегает к нему). Веня... Венька... Вениамин! (Обнимает его и целует в щеку.)

Альтман. Не смей. Не надо...

Л е л я. Почему?

А л ь т м а н. Потому что я... Потому что я скажу почему...

Л е л я (тихо свистит). Понял? (Шепотом.) Я замуж выхожу...

А л ь т м а н. Что?

Л е л я (свистит). Я замуж выхожу.

А л ь т м а н (кричит). Не смей свистеть! (Тихо.) Скверная при-
мета.

Входит А г р а н о в с к и й.

А г р а н о в с к и й. Что это такое! (Бросает на стол газету.)

Л е л я (весело). Сегодняшняя газета.

А г р а н о в с к и й. Статья о Жмелькове... Ее кто писал?

Л е л я. Конечно, я! (Хохочет.) Неужели ты не узнал мой стиль,
Левка!

А г р а н о в с к и й. Узнал, к сожалению. Жмельков — лучший
ударник стройки, а ты все еще изобличаешь в нем крестьянскую стихию и анархистские настроения.

А л ь т м а н (устало). Ну началось... Я пошел. (Уходит незамеченным.)

Л е л я. Но ведь ты же сам... Это твои слова.

А г р а н о в с к и й. Надо знать — когда и где. Допустим, что ряд
положений в статье правильный...

Л е л я. Вот видишь!..

А г р а н о в с к и й. Но в момент, когда весь комитет во главе
с Белоусом держится противоположного взгляда, появление этой статьи — глупость.

Л е л я. Лева...

А г р а н о в с к и й (мягко). Я не хотел этого, Леля, но... придется
снять тебя с газеты.

Л е л я. Снять с газеты?.. (С отчаянием.) Но это же, это для меня
все, Лева.

А г р а н о в с к и й. Думаешь, мне это легко? Пойми меня по-
хорошему, Лелька... У нас с тобой в характере слишком
много общего. Наказывая тебя, я тем самым как бы рас-
правляюсь с самим собой.

Л е л я (тихо). Но что же я теперь буду делать?

Аграновский. Придется поработать на корчевке. Так нужно. Пойми, как секретарь комитета я не могу поступить иначе.

Белоус (*врываясь*). Что за вредный вздор!.. (*Комкает газету.*) Узнаю твою руку, Левка! Но имей в виду, за эту статью мы с тобой будем крепко драться на комитете.

Аграновский. Ой ли?

Белоус. И не один я так думаю. Партийный комитет требует немедленного обсуждения твоей статьи. Я Жмелькова в обиду не дам! Запомни! Порочить таких ребят — глупость, понял?

Аграновский. Статья принадлежит Корневой. И это вовсе не глупость, мой милый... Это политическая ошибка!

Леля. Что?

Аграновский. Я снял ее с газеты... Пусть поработает на корчевке.

Белоус (*тихо*). Жаль девчонку...

Аграновский. Но этого мало — ее придется немедленно вывести из состава комитета.

Пауза.

Леля. Все статьи я сдам Павлику... Вот фотоаппарат — и все... (*Быстро выбегает на улицу.*)

Белоус. Она была твоим лучшим другом...

Аграновский. Так что же? Прикажешь защищать ее левацкие загибы?

Белоус (*не сразу*). Веришь ли ты в то, что говоришь, Левка?

Аграновский. Чего ты от меня хочешь?

Белоус. Правды!

Аграновский. Ради правды я жертвую другом, Костя.

Вбегает Жора.

Жора. Пароход подошел... На пристани музыка! Хлеб привезли!..

В барак вбегают ребята, торопливо одеваются, готовятся к разгрузке парохода.

Аграновский. Константин, на пристань!

Белоус. Подымай третий и четвертый бараки, Левка!

Зорин (вбегая). Хлеб! Хлеб пришел! Вставай, Ванька!.. (Будит

Жмелькова.) Повидла пришла!

Аграновский. А ты организуй верхние бараки... Через полчаса все должны быть на разгрузке.

Белоус. Идем, Лева...

Все гурьбой двинулись к дверям. На пороге Оксана, за ней Наташа и Нюра.

Оксана. Куда вы?

Аграновский. На пристань!

Белоус. Разгружать хлеб.

Оксана. Хлеба нет...

Белоус. Что?

Общее движение.

Наташа. Костя... Вместо хлеба пароход машины привез.

Белоус. Но это ж последний пароход... Значит, до весны...

Аленушкин. Голод!

Аграновский (с тоской). Тише...

Нюра. Начальник велел немедленно разгружать машины.

Белоус. Пусть черт их... разгружает!

Зорин. Правильно.

Наташа (ласково). Что с тобой, Костя?

Белоус (в отчаянии). Не знаю...

Аграновский. Что бы ни случилось, нельзя падать духом.

Мы комсомольцы.

Оксана (невесело). Ты всегда прав, Аграновский.

Жора (ложится на кровать). Спокойной ночи.

Аграновский (просто). Я иду разгружать пароход. (Уходит.)

Зорин. Кто желает — пусть идет. Моя бригада остается.

Жмельков. Нет... Я пойду. Жора, вставай.

Зорин. Ты!.. Против меня?

Жмельков. Зачем? (Улыбнулся.) Мне размяться интерес.

Зорин. В газетке его пропечатали — так он оправдаться пожелал.

Жмельков. Как не так... Проветриться желаю.

Зорин. Валяй, валяй — иди, Ванька Жмельков! Ты всегда первый, тебе всюду вперед надо... В герои лезешь?

Готовые к драке, они смотрят друг на друга.

Нюра (подошла к Жмелькову и, подмигнув, кивнула на Зорина.) Тю на него. (Фыркнула.) Идем, стихия...

В раскрытых дверях показался Альтман.

Альтман. Снег пошел...

Все молча смотрят, как на воле падает густой первый снег.

Наташа. Зима...

Занавес

Действие второе

Картина третья

Зимний декабрьский вечер. Мужской барак. Перед своим зеркалом сидит совершенно неподвижный Зяблик. Он мрачно смотрит на свое отражение, словно желая понять, что за человек он сам.

*Зяблик. Наблюдая себя, человек познает мир. Я! (Думает.)
А каково оно, мое «я», и чем отличается от других?*

Входит Оксана и нерешительно останавливается на пороге.

Явилась?

Оксана (робко). Белоуса нет?

Зяблик. Естественно, нет.

Оксана. Жалко.

Зяблик (кивает головой). Очень.

Оксана (помолчав). Ну и холод.

Зяблик. Пятьдесят пять градусов по Цельсию.

Оксана. Значит... Белоуса нет?

Зяблик. Я же сказал.

Оксана. Потри руку — отморозила...

Зяблик (неловко растирает ей руку, затем пугается и отступает от Оксаны). Белоуса нет.

Оксана. Слушай, дай мне почитать ту книгу... про путешествие на Луну.

Зяблик (с сожалением). Да ведь не поймешь ты.

Оксана. Почему?

Зяблик (с извинительной интонацией). Женщина.

Оксана (подходит к койке Зяблика). И это называется кровать! Эх, мальчишки... (Стелет ему койку.) Ты что-нибудь ел сегодня?

Зяблик *(небрежно)*. Это не существенно.

Оксана. Вон там *(указывает на принесенный сверток)* — две картошки и кусок чеснока.

Зяблик *(с интересом поглядел на картошку, проглотил слюну, но принципы, видимо, ему дороже всего)*. Я знаю все!

Оксана *(опешила)*. Что ты знаешь?

Зяблик. Все. *(Насладившись наступившей тишиной.)* Ты приходишь сюда каждый вечер, и стелешь мою постель, и кормишь меня картошкой, и спрашиваешь якобы, где Белоус. Я понял все! *(Пауза.)* Но дело в том, что у меня скверный характер... И ты, безусловно, должна хорошенько подумать, прежде чем решить окончательно. *(Важно.)* Видишь ли, мой друг, я не такой человек, чтобы составить счастье девушки.

Оксана. Да ты что — рехнулся? *(В гневе.)* Имей в виду, что это Белоус заставил меня взять над тобой шефство. Я хотела тебе помочь, а ты подумал... *(В сердцах.)* Дурак!.. *(Уходит, хлопнув дверью.)*

Зяблик. Нет, она меня не любит. Хм... Дурак! *(Подумав.)* Боюсь, что в этом определении есть доля истины. *(Ложится на кровать и, закрывшись одеялом, поворачивается лицом к стене.)*

Поспешно входят Зорин и Жора, сзади остающийся для них незаметным Аленушкин.

Зорин. Сколько ты отдал за собак, Жора?

Жора. Тысячу монет. Через два часа старик приведет упряжку.

Аленушкин *(выходя вперед)*. Тысяча монет — недорого.

Пауза.

Зорин. Ты что, слышал?

Аленушкин. Не слышал, да знаю.

Жора. Шуточки?

Аленушкин. Бежали такие, да их в Хабаровске с музыкой встретили — отобрали комсомольские билеты и ославили.

З о р и н. Ты не агитируй, мы сказки-то слышали.

А л е н у ш к и н. Слыхали — да не всё. (Подошел к Зорину вплотную.) А то есть такая сказка: бежали ребятки да прихватили лишнюю упряжку, отъехали от города и отпустили собачек... а кто в тайге сам отпускает собак! Погибли ребятки — геройской смертью погибли... На том и успокоились, на том и сказке конец. А ребята нынче по всей России гуляют!

З о р и н (не сразу). Вон ты про что...

А л е н у ш к и н. Я про сказку.

Ж о р а. В компанию набиваешься?

А л е н у ш к и н (жестко). Мне бежать некуда. Вон отцовский дом, на берегу... Контора в нем нынче. Покеда... (Уходит.)

Ж о р а. Видать, сволочь.

З о р и н (раздумывая). Лишняя упряжка, а где ее возьмешь?

Ж о р а. Я вот за Альтамна опасуюсь... Может, без образованных обойдемся?

З о р и н. Теперь — когда Венька знает наш план? Ну нет, браточек, он или пойдет с нами, или... (Помолчав.) Да и жалко его, пропадет он без меня.

Ж о р а. И чего ты к нему привязался?

З о р и н. Он более моего в десять раз знает. Интеллигенция! С ним интереснее, чем с ваньками-то.

Входит Альтман.

А л ь т м а н (очень тихо). Час назад в девятом бараке Аграновский зачитал черный список симулянтов и лодырей... (Помолчав.) «Четвертый — Альтман Вениамин, за систематическое невыполнение нормы».

Ж о р а (протягивает руку Альтману). Поздравляю.

З о р и н (отталкивает Жору). Смеяться, продажная душа? Человек ты или нет? Парень всю душу отдавал, а ему чего за это? Затравили!!!

Молчание.

Собирай вещи, Веня, через два часа едем.

Альтман. Слушай, Алексей, я дал слово Одесскому горкому...
Вернуться обратно — это...

Зорин (берет кружку). А, черт! Вода замерзла... (Бросает кружку.)

Альтман. Да! Замерзла вода, деревенеют руки, портится зрение, и именно поэтому бежать отсюда — трусость!

Зорин. Помереть без сопротивления — вот трусость. Думаешь, это легко — пройти на собаках путь до Хабаровска в пургу и мороз? Это геройство, Венька. Но ежели трусишь — оставайся.

Альтман. Не могу, Леша... Я слово дал.

Зорин. Корчевать тайгу в грязи и холоде — это Ваньке Жмелькову работа: он с детства пообвык... А у тебя судьба другая. (Дает ему скрипку.) Вот твоя сила. Ты через нее должен доставлять счастье и радость трудовому человеку.

Альтман. Нет... Я не умею играть... Не могу, понимаешь?

Жора. Какого же черта ты с ней всюду таскаешься?

Молчание.

Зорин. Решайся.

Альтман. А Леля?

Зорин. Что?

Альтман. Она знает?

Зорин. Нет.

Альтман. Значит, с ней... кончено?

Зорин. Не твое дело.

Альтман. Ты понимаешь, что это мерзко?

Жора (ядовито). Оставайся, Веня, утешать будешь.

Альтман (сжав кулаки). Ты! (Резко.) Я еду!

Зорин. То-то. (Обнимает Альтмана.) Подохнешь ты без меня, никому ты здесь не нужен, и не любит тебя никто... (Усмехнулся.) Разве — Аграновский... (Воодушевляясь.) Эх, Венька, Венька, запряжем мы собачек, дадим ходу и живо до Хабаровска доберемся — а там...

Зяблик (приподнимая одеяло). Мне кажется, твой план ищет истину, удаляясь от нее.

Молчание. Все застыли от неожиданности.

Идти тайгою — значит, добираться минимум неделю, и то если менять собак и применять индейскую поступь или пригибной шаг. В кратчайший срок добраться до Хабаровска — да ведь это моя мечта! *(Увлекаясь.)* Я предлагаю использовать для этой цели норд-ост и, привязав к саням паруса из мешков, по льду Амура домчаться до Хабаровска в три дня! *(Торжествуя свою победу, посмотрел на всех.)* Преимущество моего плана очевидно. *(Снова закрывается одеялом.)*

Пауза.

З о р и н. Вот это наплел...

А л ь т м а н. Значит, он тоже... с нами?

Ж о р а. Ладно... Чудак пригодится в дороге.

З о р и н. А теперь, братцы, в два счета раздобыть спирт!

Ж о р а. Собирайся, Альтман... Времени осталось меньше часа.
Лешка, пошли.

Зорин и Жора уходят. Альтман смотрит на скрипку, берет смычок, согревает дыханием пальцы и прикладывает скрипку к плечу. Пауза. Альтман медленно опускает скрипку и с ненавистью смотрит на нее.

Л е л я *(входя)*. Веня...

А л ь т м а н. Ты?

Л е л я. Леши нет?

А л ь т м а н. Он скоро придет. Посиди.

Пауза.

Л е л я. Скрипка.

А л ь т м а н. Да.

Л е л я. Ты никогда не играл.

А л ь т м а н. Чувствовать как музыкант, а играть как неудачник...

Л е л я *(поняла)*. Вот что.

А л ь т м а н *(не сразу)*. Я редко тебя вижу.

Л е л я. Комаров и Брыкин бежали из города.

А л ь т м а н. Ты очень... счастлива?

Л е л я. Да.

Пауза.

А л ь т м а н. Он тебя бросит.

Л е л я. Нет.

А л ь т м а н. Ты ему не нужна. Я знаю.

Л е л я (*улыбаясь*). Нет. Ты лжешь.

А л ь т м а н (*тихо*). Да.

Л е л я. Я тебя все равно не полюбила бы.

А л ь т м а н. Это прошло.

Л е л я. Совсем?

А л ь т м а н. Да.

Л е л я. А зачем она тебе?

А л ь т м а н. Кто?

Л е л я. Скрипка...

А л ь т м а н. А... (*Сует ей скрипку.*) Возьми ее... На память.

Л е л я. Совсем?

А л ь т м а н. Конечно. Дай руку. Прощай.

Входит З о р и н. Альтман идет к двери.

З о р и н. Куда ты?

А л ь т м а н (*в дверях*). Есть такая игра... (*Уходит.*)

Л е л я (*тихо*). Соскучился?

З о р и н (*целует ее*). Озябла? Замерзла, сердечко мое?.. Счастли-
це мое золотое... (*Своим дыханием согревает ее руки.*) Хо-
рошо тебе?

Л е л я. Мне с тобой всегда хорошо. (*Целует его.*) Знаешь, кро-
ме тебя, у меня никого здесь нет... И не надо. (*Смеется.*)
И не надо. И не надо.

З о р и н. Ты устала?

Л е л я. На этой корчевке трудно ведь... Сначала я думала, не
смогу, а теперь, знаешь, я полностью выполняю норму.
Оксана говорит, что я молодец... Я не люблю ее, Леша, они

все завидуют мне, завидуют, что ты меня любишь...
Я знаю.

Зорин. Слушай... Слушай, Лелька. Я не хочу, понимаешь, не хочу, чтобы ты здесь осталась... Ты все равно не выдержишь, и ты должна...

Леля. Что?

Зорин. Ты должна вместе с нами... (Горячо целует ее.)

Леля. Что же ты молчишь, Леша? Случилось что-нибудь?

Зорин (спокойно). Нет. Все в порядке. Я хотел сказать тебе вот что... переходи ко мне в бригаду, тебе легче будет работать...

Стук в окно.

Черт!.. Так скоро...

Леля. Кто это?

Зорин. Ко мне... ребята идут. У нас нынче... беседа.

Леля (улыбнувшись). Что-нибудь скучное?

Зорин. Да... Чертовски скучное. Ну, иди спать... Иди.

Леля. Ты зайдешь за мной завтра?

Зорин. А как же. Я зайду. Завтра.

Последний поцелуй. Леля уходит.

(Обин.) Я сволочь... Ясно... Ясно, сволочь.

Жора (входя). Вот она, бесценная водица. (Вынимает бутылку со спиртом.)

Зорин. Я остаюсь.

Жора. Что?

Молчание.

Это она? Девчонка!..

Зорин (тихо). Я думал — это шутка, когда затеял эту дурацкую свадьбу, а теперь... Она для меня все... Все — понял?

Жора (яростно). Трус! (С силой ударяет Зорина, тот падает в угол.) Баба! (Подходит к лежащему Зорину.) Я друг тебе... Я тебе единственный друг!

Зорин (пошатываясь, встает). Жорочка...

Альтман (входя). Ну, довольно копаться. Едем.

Жора. Слышал?

Зорин (обнимает Жору). Я сволочь, Жора. Едем.

Альтман. Надо разбудить Зяблика...

Жора (тормошит Зяблика). Вставай, теория!

Зяблик (просыпаясь). Что? Аврал? Куда идти?

Зорин. Не ори... Вставай, мы двигаемся.

Зяблик. Правильно. Мы всегда двигаемся. Земля двигается безостановочно.

Зорин. Хватит чудить... Мы двигаемся на запад, ты ж с нами бежишь...

Зяблик. От кого? Разве надо от кого-нибудь бежать?

Зорин. Но ведь ты же сам говорил — на парусах из мешка...

Зяблик. Ах, это... Мне пришла в голову идея, чудесная идея передвижения по льду на самодельных буерах. В кратчайший срок добраться до Хабаровска — да ведь от решения этой задачи зависит судьба всей стройки! (Пауза.) А вы что... действительно решили бежать?..

Зорин (захохотал). Ай да Зяблик! И ты поверил?.. Мы просто разыграли тебя, дурья башка...

Все неуверенно смеются, в том числе и Зяблик. Стук в окно.

Зяблик (срываясь с места). Стучат! (Бежит в сени.)

Зорин. Сорвалось... Все к черту сорвалось!

Жора. Теперь этот дурак всем расскажет... А собаки! А тысяча монет!..

Возвращается Зяблик, за ним идет Белоус.

Белоус. Слушай, Алексей, — в тридцати километрах к западу имеется отличный кедровый лес. Необходимо отправить бригаду из трех-четырех человек на поиски.

Зорин. На поиски, говоришь?

Белоус. Аграновский предлагает ехать бригадиром тебе. Хороший строевой лес у города повырублен — надо разведать

новые места. А вслед за вами в тайгу двинутся бригады лесорубов.

Зорин. Разведать, говоришь? *(Помолчав.)* Согласен.

Белоус. Молодец! Записываю — бригадир Зорин. Дальше?

Зорин *(быстро)*. Дальше пиши — Кротов Жора, Альтман Вениамин...

Белоус. Альтман? *(Подумав.)* Сомневаюсь.

Зорин. Ручаюсь, как за себя. Как, Веня, — не подкачаешь?

Альтман молча кивает головой.

Белоус. Еще?

Зорин. Хватит.

Зяблик. Запад, кедровый лес... Я еду!

Белоус. Ну нет, брат, дудки!

Зорин. Обойдемся втроем.

Белоус. Собирайтесь в дорогу... Самойлов выдаст вам провиант, собак и нарты. А чтобы не заблудиться, вот тебе компас... Это мой старинный *(улыбнулся)*, флотский... Смотри не потеряй... Вернетесь, отдашь. *(Жмет им руки.)* Ну, счастливой дороги! *(Уходит.)*

Зяблик *(бежит за ним)*. Константин, я должен ехать... Кедровый лес... Компас... *(Убегает.)*

Зорин *(переводя дыхание)*. Вот она, лишняя упряжка.

Альтман. Судьба.

Жора. Да, индейка.

Зорин. Едем! Едем на поиски кедрового леса.

Хоровая интермедия

Хор исполнителей окружает игровую площадку. Тайга. Вокруг тлеющего костра — Зорин, Жора, Альтман.

Голос из хора *(поет протяжно)*.

«Меня маменька вскормила
Под кустом, на волюшке,

Я без матушки расту
По людям да в горюшке».

Хор.

«Иди, говорят, ступай, говорят,
Гуляй, говорят, по свету.
Ищи, говорят, себе, говорят,
Долюшки-привету».

Голос из хора (плача, на самых верхах).

«Не кукуй, горька кукушка,
На осине проклятой,
Сядь на белую березу,
Прокукуй над сиротой».

Хор.

«Иди, говорят, ступай, говорят,
Гуляй, говорят, по свету,
Ищи, говорят, себе, говорят,
Долюшки-привету».

Зорин. Ну вот и рассвет.

Жора. Это только кажется.

Зорин. Нет. Светает.

Альтман. Да.

Зорин. Начинается новый день.

Жора. Нет. Еще темно.

Пауза.

Зорин. Холодно.

Жора. Пей спирт.

Альтман. И мне.

Выпив, Зорин передает бутылку Альтману.

Зорин. А ловко, ловко все вышло. Собак Белоуса мы отпустили, ведь теперь у нас свои собаки, Жора... Когда упряжка прибежит в лагерь без нас, там подумают, что мы погибли... Кто же на севере сам отпускает собак? Можешь считать, что мы умерли, Жора... «Со святыми упокой», как поется в одной старой песенке.

Ж о р а. Аминь.

Из хора доносится тихое теньканье бубенцов.

З о р и н (тихо). Бегите, собачки, бегите, родимые... Горько заплачет гражданка Корнева.

Ж о р а. Жаль девочку?

З о р и н. Что ты понимаешь в этом, Жора? Она лучше всех, лучше каждой... Ах, черт, черт... Маленький пустячок... В ней было столько страсти... Она понимала толк... Ах, черт!

А л ь т м а н. Молчи, слышишь!

З о р и н (резко обернулся, запел, глядя в упор на Альтмана).
«Вдруг из леса пара показалась...».

Х о р (вторя негромко).

«Вдруг из леса пара показалась...».

З о р и н.

«Не поверил он своим глазам...».

Х о р (усиляя звук).

«Не поверил он своим глазам...».

З о р и н.

«Шла она, к другому прижималась...».

Х о р (еще громче).

«Шла она, к другому...».

А л ь т м а н (кричит, сжав кулаки). Перестань петь!

Хор смолкает.

З о р и н (в тишине). Эх, все они там подохнут не от голода, так от цинги. (Вынимает компас.) И что?.. Вот эта маленькая штучка выведет нас к югу, где потеплее. Ах ты, Костя, Костя, дубовая голова.

Ж о р а. Ловко ты его обвел.

З о р и н. Если бы этот дурень знал, зачем мне компас нужен...

А л ь т м а н (тихо). Почему ты сказал «подохнут», Алексей?

З о р и н. Что?

А л ь т м а н. Почему ты сказал это слово... «подохнут»?

Зорин встает и, словно оглядываясь, медленно обходит костер.

Г о л о с и з х о р а (с прежней тоской).

«Меня маменька вскормила
Под кустом, на волюшке,
Я без матушки расту
По людям да в горюшке».

Х о р.

«Иди, говорят, ступай, говорят,
Гуляй, говорят, по свету...».

З о р и н (останавливая рукой пение). Куда я попал? (Вынимает комсомольский билет.) Куда ты завела меня, маленькая книжица ВЛКСМ? (Читает.) Фамилия — Зорин, год рождения — тысяча девятьсот десятый, время вступления — тысяча девятьсот тридцатый, проклятый год!.. (Пьет.)

Г о л о с и з х о р а (в исступлении).

«Эх, пойду брошусь под машину,
Эх, под большое колесо.
Ты дави меня, машина,
Все одно — нехорошо...».

Ж о р а. Хватит! (Отнимает бутылку у Зорина.)

З о р и н (кричит). Иди ты!.. (Захлебываясь.) Ты видел мои руки? Вот мои руки. Они все чего хочешь сделать могут. Я тебе не Альтман, я крестьянский сын, понял ты это? Когда я хочу, мои руки чудеса творить могут!.. (В тоске, хмелея.) А где, где моя жизнь? Где вся моя жизнь — отвечай мне! Ради чего я ловчил, людям врал, притворялся? Для чего я своему отцу в морду наплевал в тысяча девятьсот тридцатом году, будь он проклятый! Я от имени своего отрекся, я первый собственного отца на раскулачивание повел, сам дверь в хату отпер, сам добро на телеги складывал, родимую мать последним словом обозвал! А мне что за это? Какая мне льгота за то, что я в сердце себе наплевал? Что мне предоставили за мое душевное мучение? Книжицу? (Вет билет, бросает его в костер.) Сюда — на край земли! Геройскую смерть с меня спрашивает

ют? А я не хочу... Не имею желаний! Пускай Ванька Жмельков помирает, а мне другая дорога! (Обращается к тяжело молчащему хору.) Я еще вас всех вокруг пальца... Весь свет пусть хоронят, а я на прогулку выйду. «Со святыми упокой...».

Альтман встает и пристально смотрит на Зорина.

Ты что?

Альтман. Ухожу.

Зорин. Куда?

Альтман. Обрато, в город.

Зорин. Соскучился. По гражданке Корневой соскучился?

Молчание.

Альтман. Отдай компас.

Зорин. Зачем? (Усмехнулся.) Дорог как память.

Альтман. Хорошо. Так дойду. (Медленно уходит.)

Зорин (вынимает револьвер, целится в уходящего Альтмана).

Лелечке... Лелечке привет!

Жора (берет его за руки). Брось... Видишь, пурга начинается.

Все равно не дойдет.

Зорин (кричит вслед Альтману). Прощай, Веня! Не поминай лихом...

Хор.

«Иди, говорят, ступай, говорят,

Гуляй, говорят, по свету,

Ищи, говорят, себе, говорят,

Долюшки-привету...».

Картина четвертая

Женский барак. Сумерки. Горит свеча. У изголовья больной Наташи сидит Оксана и читает книгу. За окном вой пурги.

Наташа (проснувшись от порыва ветра). Стучат... слышишь? Открой двери, Оксана, — к нам стучат...

Оксана. Это ветер... На улице пурга бушует...

Натasha. А что, зоринские ребята еще не вернулись?

Оксана. Скоро вернутся.

Натasha. Там Альтман Веня... У него всегда драные рукавицы...

Оксана. Тебе холодно?

Натasha. Знаешь, я видела странный сон сегодня... Как будто я совсем маленькая, и как будто идет дождь — горячий-горячий, такой, что каждая капля его жжет... И вот я сижу под деревом и удивляюсь: как же так — в небе ни облачка, а идет дождь... И как будто мимо, по дороге, идет отец. Я кричу ему: «Папа!» — а он словно не видит меня и уходит... Страшно, правда?

Оксана. Страшные сны всегда к счастью. Завтра тебе будет лучше, вот увидишь.

Аграновский (*входит и тихонько подзывает Оксану*). Оксана... Вот спирт для Наташи... (*Передает ей бутылочку*). Она знает, что собаки вернулись?

Оксана. Ей не надо говорить об этом. (*Тихо*.) Белоус возвратился?

Аграновский. Нет еще. Несмотря на пургу, поиски продолжаются. Я настоял. (*Подходит к Наташе*.) Здравствуй, Наташа.

Натasha (*радостно улыбаясь*). Аграновский...

Аграновский. Вот... немножечко шоколада. Мне привезли две плитки из Хабаровска... (*Берет ее руку*.) У... какая горячая.

Натasha. А у тебя холодные.

Аграновский. Я с мороза...

Натasha. Мне нет писем?

Аграновский отрицательно качает головой.

Отец давно не писал. (*Помолчав*.) Знаешь, я ведь уехала из дому без спроса. Когда отец узнал, он очень рассердился... А потом почему-то прислал мне сюда мою старую куклу.

Оксана. А правда, он в ссылке был с Лениным?

Наташа. Правда... А потом с Кировым... Они друзья — с Сергеем Мироновичем...

Аграновский. Я видел их вместе на шестнадцатом съезде. Помню, твой отец говорил о плане работ Кузнецкого бассейна, и после выступления они о чем-то спорили с Кировым, долго смеялись, и Киров что-то записывал в свою книжечку.

Оксана (Аграновскому). Тише... уснула...

Они вдвоем смотрят на спящую Наташу.

Аграновский. Похудела она.

Оксана. Да.

Аграновский. Я принесу ей свое одеяло — оно теплее.
(Быстро уходит.)

Сильный порыв ветра. В барак входит Добров. Он отряхивается от снега, осматривается с интересом. Следом за Добровым входит провожатый, который останавливается у двери.

Добров (подходя к Оксане). Вечер добрый.

Оксана. Здравствуйте.

Добров. Женский барак?

Оксана. Да.

Добров. И сколько вас тут обитает?

Оксана. Шестеро.

Добров (внимательно осматривает комнату). Да... Живем не очень богато.

Оксана. Это как сказать. В землянках хуже.

Добров. А там... в землянках — еще много народу живет?

Оксана. Пока хватает.

Добров (утвердительно). С питанием плохо...

Оксана. До Хабаровска нелегкая дорога.

Добров. Это я сейчас пережил. (Подышал на руку.) Откуда сама?

Оксана. Комсомол Московского электрозавода прислал.

Добров. Завод знакомый. (Помолчав.) Как там, больше порядка, чем тут у вас? (Пауза.) Молчишь?

Оксана. А вы, собственно, кто такой?

Добров. Приезжий. (Снова помолчав.) Вижу, не завоевал я у тебя доверия. Ладно. Может, в таком случае, укажешь барак, где Доброва Наташа живет?

Оксана. Она живет здесь.

Добров. Здесь?.. А где она сейчас?

Оксана (показывая на Наташу). Вот.

Добров. Она спит?

Оксана. Она очень больна.

Пауза.

Добров. Что с ней?

Оксана. Воспаление легких.

Добров. Так. (Подходит к Наташе. Долго на нее смотрит.)
Давно заболела?

Оксана. Шестой день сегодня.

Добров (поправляет Наташино одеяло). Не надо будить ее—
пусть спит. (Идет к дверям.)

Аграновский (входит). Вот... одеяло Наташе...

Добров (взглянул на Аграновского). Прошу простить. (Уходит
вместе с провожатым.)

Оксана (Аграновскому). Кто этот человек? (Пауза.) Ты знаешь?

Аграновский (поглядев вслед Доброву, идет к Наташе и
укрывает ее одеялом). Теперь ей будет теплей, правда,
Оксана? Завтра я пришлю вам еще дров, а лекарства...

Леля (вбегая). Почему вы скрыли от меня? Почему ничего
не сказали?

Аграновский (идет к двери). Следи за Наташей. Ей нужен
сон, тишина... Я очень прошу, Оксана. (Уходит.)

Леля. Упряжка Алексея прибежала в город еще утром — и
вы знали об этом!..

Сильный порыв ветра.

Слышишь, что делается? А Лешка один в тайге — у него нет собак...

Н а т а ш а (открывая глаза). Это правда?

Л е л я. Они погибли!..

О к с а н а. Белоус во главе спасателей вышел им навстречу...

Они найдут их.

Ж м е л ь к о в (входя). Вот это метет!.. Еле до вас добрался.

(Оксане.) В партийный комитет вызвали всех коммунистов, — верно, случилось чего-нибудь. (Подходит к Наташе.) Наташа, здравствуй... Я вот тебе сахарку малость собрал... Может, подойдет?

Н а т а ш а. Что ты, Ваня. Зачем... У меня все есть.

Ж м е л ь к о в. А на всякий случай? Сгодится. (Садится возле Лели, та отворачивается.) Простите, что сел, может, вам неприятно, товарищ Корнева?

Л е л я (тихо). Собаки вернулись, Ваня...

Ж м е л ь к о в. У них же компас — им Белоус на дорогу дал. Они выберутся — вот увидишь...

З я б л и к (вбегает, завернутый в одеяло). Ну и жара на дворе — настоящие Гагры! (Отряхивается.) А я к тебе, Наташа... (Достает карты.) Необычайный трюк графа Калиостро! Этот фокус я посвящаю тебе. (Манипулирует картами.) Необыкновенно, правда? Этим трюком Калиостро в бытность свою в Петербурге сразил Екатерину Вторую. Сам великий Казанова неоднократно приходил в ярость, не понимая секрета этого фокуса.

Н а т а ш а (улыбается). А у тебя выходит... Видишь, Зяблик, значит, ты превзошел самого Казанову.

З я б л и к (увлекаясь). А знает ли кто-нибудь из вас, что сегодня последний короткий день. Завтра земля пересечет меридиан вечного холода и вступит в благоприятную для нас орбиту... У нас еще декабрь, но фенологи говорят, что это начало весны!

Ж м е л ь к о в (уныло). И все ты врешь...

Н а т а ш а. Ну зачем так, Ваня... Зяблик говорит правду, он у нас все знает.

Зяблик. А как отлично мечтается весной! Сегодня утром, например, лежа под одеялом, я вдруг необычайно ясно представил себе будущее человечества лет через пятьдесят. Безусловно, возникнут новые социалистические государства — сотни миллионов вчерашних рабов капитала освободятся и примкнут к нашей железной когорте! Нет, вы только на минуту вообразите, как изменится все вокруг! На улицах Москвы появятся небоскребы в двадцать... нет, тридцать этажей!.. Комсомольцы того времени воздвигнут электростанцию в десять раз мощнее Днепростроя. На перекрестках будут совершенно бесплатно всем раздавать цветы, а из Хабаровска до Москвы можно будет долететь за десять часов!

Жмельков. Ну вот что — ты ври, да знай меру...

Оксана. Сказки!

Наташа. Но, ребята... Зяблик высказывает свои предположения. Он фантазирует — понимаете?

Зяблик (*упрямо*). Не фантазирую, а утверждаю.

Аленушкин (*входя*). Спасатели вернулись одни.

Леля. Что?

Аленушкин. Сейчас Самойлов говорил — зоринская бригада погибла геройской смертью.

Входят еще несколько комсомольцев.

Леля. Алексей... Лешенька!.. (*Бросается к двери.*)

Жмельков удерживает ее.

Пусти меня — я его спасу!.. Я сама, сама...

Оксана (*Аленушкину*). А где Белоус? Он вернулся?

Аленушкин. Белоус вместе с нанайцами отстал от спасателей, они вернулись одни.

Оксана. А собаки... Есть у Белоуса собаки?

Аленушкин. Почему я знаю! В городе творится такое... Нынче, говорят, из Хабаровска человек приехал и решение из Москвы привез: строительство города временно прекратить.

Пауза.

Жмельков. Как же это... Ведь мы за тот город... мы сердце свое отдали! А теперь — прекратить?..

Аленушкин. Разве у нас о человеке забота? Зачем парней в тайгу на верную гибель послали? За что Леша Зорин погиб?

Леля (смотрит на всех). Ну... Что же вы молчите? Или вам нет дела до того, что погибли ваши друзья?..

В дверях появляется Аграновский.

Или вам нет дела, что Аграновский послал трех ребят в пургу и метель без опытного проводника...

Аграновский (выходя вперед). Довольно, Корнева! Здесь лежит больная.

Голоса. Почему бригаду Зорина отправили без проводника?

— Погибать не хотим!

— Ты отвечай, ты правду говори!

Жмельков. Строительство бросить хотите! Мы жизнь отдавали!

Оксана. Что произошло — отвечай!

Аграновский. Что произошло? Погибли, замерзнув в тайге, трое лучших наших товарищей. И вот какие-то подозрительные люди поднимают в городе панику. В шестом бараке идет драка. Пятый и девятый — требуют отправки в Хабаровск. (Идет к двери. Оборачивается.) Вопрос об инициаторах паники будет разбираться на комитете. Мне стыдно за вас. (Уходит.)

Долгое молчание.

Оксана. Слова... Всё слова...

Зяблик (тихо). А все-таки город будет. И проспект Карла Маркса и площадь Фомы Кампанеллы... И все, как я говорил.

Оксана. А может, ничего и не надо... Ни города, ни верфи, ни кораблей... И мы снова сядем на наш «Колумб» и по-

едем обратно... А этот город, его так никогда и не будет...
Никогда.

Жмельков. Братцы, как же так? Это ж мой первый город, я судьбу свою в нем видел... Ведь мне из деревни ребята пишут, ехать собрались...

Аленушкин. Сюда? На голод? На страданье?..

Оксана. Тише, Наташа уснула.

Аленушкин. А, что там!.. *(Подходит к Наташе, смотрит на нее).* Все равно она умрет — я знаю.

Наташа *(открыла глаза, спокойно).* Нет... Я не умру, Женя.

Аленушкин. Эх, девочка, жалко мне тебя. *(Горячо.)* Об чем мечтаю? Я об счастье вашем мечтаю! Сегодня шесть барачков южного участка потребовали отправки в Хабаровск... Разве это легко?.. Разве легко уйти отсюда после всего, что прожито? Но нету, нету больше человеческой силы, и это пора постигнуть... *(Истерично.)* По домам!.. Не хочу... Не отдам своей жизни!

Парень *(в дверях).* Четвертый барак требует отправки в Хабаровск! Ребята, поддержи! *(Скрывается.)*

Общий шум. Наташа с трудом приподымается, вот она уже стоит на кровати, раскинув руки.

Наташа. Остановитесь... Мы — комсомольцы!

Все смолкли. Стало очень тихо.

И мы не уйдем, не уйдем отсюда... даже если смерть придет за нами.

В дверях Добров. Он делает несколько шагов к Наташе. Она вскрикнула, он подхватил ее на руки.

Добров. Наташа...

Наташа. Почему ты здесь? *(Крепко обнимает его.)* Может быть, это снится? *(Кашляет.)* Нет, нет — это пустяки, я совсем здорова... Маленький кашель... Но ты укрой меня, я могу простудиться.

Вдали — лай собак, чьи-то крики. Отворяется дверь. Белоус, Нюра и еще несколько ребят вносят Альтмана. Сзади идет Аграновский.

Белоус. Оксана, спирту... Скорее!

Леля. Лешка! (Бросается к Альтману.) Алексей... Лешенька!.. (Раскутывает его, снимает шапку.) Альтман! (Подбегает к Белоусу.) А где Алексей? Вы не нашли его... (Пауза.) Он замерз... Да?

Жмельков. Где Лешка Зорин?

Голоса. Почему ты молчишь?

— Жора где?

— Отвечай, Белоус!..

Белоус. Зорин и Кротов бежали из города.

Леля. Нет... Нет!

Белоус. Альтман был третьим участником бегства. На одной из стоянок он решил покинуть беглецов и пошел к городу... Мы нашли его у Вороньей сопки выбившимся из сил, с обмороженными ногами. (Пауза.) За все, что случилось, должен ответить комитет комсомола... в том числе и я. (С яростью.) Чего скрывать! Проглядели!

Долгое молчание.

Аграновский. Да, проглядели... На этот раз ты прав, Костя. Проглядели! (Значительно.) Но кого? Нет, раздававшиеся здесь голоса не случайно обвиняли в гибели этих людей руководителей комсомола. Паника создавалась умышленно, и ее организаторы будут разоблачены и понесут тяжелую кару. В первую очередь комсомолка Корнева.

Общее движение.

Есть все основания полагать, что она была не только любовницей этого мерзавца, но и организатором его побега. Об этом говорит все ее поведение. Она пыталась взволновать массы и натравить комсомольцев на тех руководителей, которые когда-то ее беспощадно разоблачили. Не вы-

шло! План Корневой сорвался. (Помолчав.) Белоус. Член комитета. Наш самый любимый, наш самый стойкий товарищ. Пример для всех нас. И все же поведение его во всей этой истории более чем странно. Почему он возражал против снятия Корневой с ответственной политической работы? Почему он за два часа до бегства Зорина отдал свой, лично ему принадлежавший компас в руки кулацкой банды беглецов? Наш самый любимый товарищ! Причины этого поступка пока еще не ясны, но заставляют призадуматься. (Пауза.) Впереди большой, благородный труд. Для него нужны стойкие люди — нужны герои! Комсомол этих людей даст. А вражеские вылазки корневых, политическое легкомыслие белоусов будут подвергнуты жесточайшему разгрому. Но если кое-где раздадутся голоса в защиту этих обанкротившихся горе-деятелей, мы не остановимся перед беспощадным очищением наших рядов от всех трусов и пособников врага.

Тягостное молчание.

Н ю р а (выступая из толпы). Зачем же молчите, ребятки! Если он так о Белоусе — не верю я ему... Слышишь, Аграновский!

А г р а н о в с к и й. Замолчи...

Н ю р а. Не стану молчать. Ребята, не дадим Белоуса!

И тотчас яростный взрыв негодования.

Г о л о с а. О Белоусе неверно!

— Долой его!.. Это клевета!..

— А компас? Почему он отдал компас?

— Корневу вон из города!..

— Она не знала...

— А где начальник? Требуем начальника!

А л е н у ш к и н. Пусть за все отвечают!..

Д о б р о в. Я бы хотел... всего несколько слов.

Воцарилась тишина.

Несмотря на то, что письма, в которых критиковалось местное начальство, умышленно задерживались в Хабаровске, сигналы о неблагополучии на стройке Москвой получены. Час назад начальник строительства отбыл в Москву, где ему придется ответить перед правительством за все, что здесь случилось. С сегодняшнего дня руководить строительством буду я. Меня прислала Москва, а зовут меня Добров... Игнат Иванович Добров.

Пауза.

Аграновский. Комсомол строительства приветствует вас, товарищ Добров... (Жмет ему руку.)

Занавес

Действие третье

Картина пятая

Чердак старой деревянной избы — жилище Аграновского. Нависающие стропила. Людям и вещам тесно. За окном солнечный день конца марта. Аграновский один. Он целится из револьвера в висящую на стене мишень и несколько раз стреляет. В дверь стучат.

Аграновский (не оборачиваясь). Ну!

Входит Наташа.

Наташа. Здравствуй!.. (Смеется.) На дворе солнышко, снег тает, огромные лужи!.. Я на слежу тут, Левка. (Сует ему газету.) Читал? Газета пишет, что ты полностью оправдал доверие города... Твой участок дал двести пятнадцать процентов нормы—и это в то время, когда сам Жмельков дал восемьдесят...

Аграновский. Сам Жмельков!.. (Усмехнулся.) Неумные люди сидят у нас в редакции. Поднимать шумиху вокруг Аграновского! Глупо.

Наташа. Почему?

Аграновский (резко). Потому что я не из тех, кому прощают! (Помолчав.) Я работал в ЦК — на съездах мое имя встречали аплодисментами. (Вспыхнув.) Но я не всегда торопился соглашаться с большинством. Я позволял себе роскошь иметь свое, личное мнение, и... (усмехнулся) московский климат стал мне вреден. Однако и здесь нашлись люди, не желающие прощать... И вот секретарем горкома избирается Белоус, а меня заставляют делать ту же работу, что и Жмелькова. (Не сразу.) Вернуться отсюда победителем — это был мой единственный шанс. Теперь я лишен и его.

Н а т а ш а. А разве ты... хотел вернуться в Москву?

А г р а н о в с к и й. Это дело партии. А я ее простой солдат. (По-молчав.) Впрочем, теперь это не имеет значения. Я вычеркнут из списка — понимаешь? А я так хотел, чтобы ты гордилась мной... Ведь в эти тяжелые месяцы ты была для меня всем, всем — слышишь? Думая о тебе, вел я ребят в метель, в пургу на штурм тайги... А теперь у меня хотят отнять и тебя!

Н а т а ш а. О чем ты, Лева?.. Кто хочет?..

А г р а н о в с к и й (запальчиво). Твой отец, Белоус, все они!.. Ну что ж, я готов и к этому. У меня ничего больше нет. Ничего и никого. Где-то под Гомелем живет отец, старый и одинокий... Пишет смешные письма. Нелепо. Наташа... Наташенька!.. (Берет ее руки, прижимает их к своей голове.) Как все нелепо.

Н а т а ш а (берет револьвер, расстреливает патроны). Еще есть?

А г р а н о в с к и й. Нет.

Наташа стреляет.

Перестань.

Н а т а ш а. Все. (Отдает ему револьвер.)

А г р а н о в с к и й (смотрит на него). Нет... Это исключается. Просто я уеду в какой-нибудь городишко, женюсь, наплюю детей и буду разводить подсолнухи.

Наташа подходит к нему, дотрагивается до его руки. Входит Добров.

Д о б р о в. Наташа. Здравствуй. (Целует ее.) Ты, милая, скоро и заглядывать ко мне не будешь. (Аграновскому.) Там тебя Самойлов ищет...

А г р а н о в с к и й (посмотрел на Наташу). Иду... (Уходит.)

Неловкое молчание.

Н а т а ш а. Как живешь?

Д о б р о в. А ты зайди. Увидишь.

Н а т а ш а. Не успеваю.

Добров (помолчав). Ты перешла работать к Задыхину?

Наташа. Перешла.

Добров (смотрит на нее). Участок не легкий.

Наташа (сдержанно). А ты полагаешь, что мне, как дочери начальника, следовало выбрать место поуютнее?

Добров (не сразу). Похоже, что ты очень не рада, что я приехал сюда.

Наташа. Так оно и есть. Я не рада.

Добров (тихо). Вот как?..

Наташа (вскрикнув). Милый!.. (Подбегает к нему и порывисто его обнимает.) Ты не виноват... Но если бы ты знал... Надоело, надоело слушать: «Начальника дочка идет»... «Командирской дочке привет!», «Начальству почтение!» А я не хочу никаких поблажек, никаких почтений!.. Хочу быть такой, как все... Мне не надо ничего сверх того, что имеют другие, те, с кем я приехала на «Колумбе». Вот почему мы живем порознь, понимаешь? А мне так бы хотелось быть с тобой вместе! (Помолчав.) Ты... конечно, не поймешь этого...

Добров. Как говорила твоя подружка Вета: «Родители — это самые ограниченные люди...».

Наташа (смотрит ему в глаза). Я не права?

Добров (усмехнулся). Мы прожили нелегкую жизнь, пусть хоть нашим детям будет хорошо. Так, кажется, говорится?.. Но что же сие означает — хо-ро-шо? И по какому счету? Ведь даже в ссылке, даже на каторге мы были счастливы, живя для народа, всем жертвуя для него. (Помолчав.) Живи и ты так, дружок.

Наташа молча прижимается к нему.

Наташа. На конфету... Я сегодня раскрыл чемодан, а там конфета лежит. Одна. Московская.

Наташа. Спасибо. (Разворачивает конфету.) Папа... Помоги Леве, ему трудно...

Добров. Он... Он очень тебе по душе?

Наташа. Вы все его не знаете... Он... такой... самоотверженный.

Возвращается Аграновский. Пауза.

Добров. Читал сегодня о тебе в газете. Красиво пишут. Аграновский (неопределенно). У нас там лирики в штате. Добров. Нынче с нанайцами разговаривал. Дожди ожидаются весьма серьезные... (Смотрит в окно.) Дружная весна, черт бы ее взял!

Входят Белоус и Жмельков.

Белоус. Здоров... Ну и пылица у тебя, Левка!

Аграновский. Здравствуй, секретарь.

Белоус (подает ему локоть). Извини — руки грязные. (Здоровается с Наташей.) Прости, Наташа... измазался.

Аграновский. Совещание организовал, Игнат Иванович?

Добров. Гора пришла к Магомету.

Белоус. Мне бы помыться, Лева...

Аграновский. Умывальник за перегородкой.

Белоус уходит.

Садись, Ваня.

Все молчат. Слышится фырканье моющегося Белоуса.

Добров (рассмеялся). Здоров, черт.

Белоус возвращается.

Белоус (без рубахи). Полотенце есть?

Аграновский (после паузы). Грязное.

Белоус. Ладно. Рубахой вытрусь.

Добров. Слушай, Наталья, а куда девался этот курьезный малый... Ну тот, что на открытии клуба фокусы показывал?

Наташа. Зяблик? (Улыбнулась.) Его в изолятор поместили...

Знаешь, у него очень смешная болезнь.

Добров. Какая?

Наташа (смеется). Свинка.

Добров. Надо ему соорудить передачу, ты зайди ко мне — я книги подберу.

Белоус. Левка, у тебя поест нету?

Аграновский. Хлеб на столе, Костя.

Белоус берет хлеб и ест его, макая в соль. Жмельков ерзает на стуле, он смущен и грустен.

Добров. Об чем молчишь, Иван Романович?

Жмельков. А чего мне говорить-то? И так времени мало.

Белоус (ест). Слушай, Лева, а что у тебя с этим... с Гаврилкой Рукавихиным?

Аграновский. Заболел.

Белоус. Что?

Аграновский. Заболел.

Белоус. Двести процентов, говоришь, выполняем?

Аграновский (резко). Да, двести, а не восемьдесят!..

Жмельков (взорвался). Неправый... Неправый ты в этом деле человек! Ну, я действительно... не выполнил плана — дал восемьдесят процентов... А почему?.. Потому я бараки строил, и нынче у меня каждый человек здоров и жив! Да я через месяц норму в четыре раза перекрою... А у тебя, Лев Семеныч, люди в землянках живут и еле ноги волочат.

Наташа. Ты меня извини, Ваня, но куда ты лезешь? Сорвал план, дал восемьдесят процентов... Ребята Аграновского герои, они в стужу, в метель шли в тайгу, добывая нужный строительству лес... А что в это время делал ты? Строил себе бараки.

Белоус. Слушай, Лева, а что у тебя случилось с Жержеленко?

Аграновский (не сразу). Пошел к черту.

Молчание.

Добров (тихо). Что случилось с Жержеленко, Лева?

Аграновский. Умер.

Наташа. Что? Жержеленко...

Молчание.

Бел о у с. Когда мы двинулись за лесом в тайгу, Добров велел тебе строить бараки, он обязал тебя создать людям нормальные жизненные условия. А что сделал ты? Погнался за красивой цифрой и раззвонил в газете о своих успехах!.. Почему ты нарушил его приказ?

А г р а н о в с к и й (не сразу). Ну-с, что еще?

Бел о у с. Весь свой лес Жмельков подал в город, а твои двадцать процентов остались в лагере. Весной возможен паводок, Левка, при бурном таянии снега и при дождях весь твой лес смоеет в Амур...

А г р а н о в с к и й. Это не запад. Разливы рек здесь бывают осенью.

Д о б р о в. Нанайцы говорят, что нынешняя весна необычна. Они ждут больших весенних дождей.

А г р а н о в с к и й. Нанайцы говорят... Не пригласить ли нам в качестве прорицателя их главного шамана?

Бел о у с. Признайся лучше, что у тебя нет людей, чтобы переправить лес в город.

Молчание.

Д о б р о в. На что ты надеешься, Лева?

А г р а н о в с к и й. С первым пароходом прибудет новая партия строителей, и мы сможем подлечить наших ребят.

Ж м е л ь к о в (его явно злят слова Аграновского, и он хочет ему что-то сказать, но, видимо, не находит нужных слов и обращается к Доброву). Я пойду, Игнат Иванович. Решай как знаешь, только уж поскорее.

А г р а н о в с к и й. До свидания, Платон Каратаев...

Ж м е л ь к о в (улыбнулся). Читали.

Жмельков уходит, сталкиваясь в дверях с Лелей.

Л е л я. Товарищ Добров, меня прислал Тагиев...

А г р а н о в с к и й. Добров занят. Здесь совещание.

Л е л я (тихо). Я пришла не к тебе, Лева. (Доброву.) Тагиев просил передать вам записку и...

Добров. Надо ему соорудить передачу, ты зайди ко мне — я книги подберу.

Белоус. Левка, у тебя поесть нету?

Аграновский. Хлеб на столе, Костя.

Белоус берет хлеб и ест его, макая в соль. Жмельков ерзает на стуле, он смущен и грустен.

Добров. Об чем молчишь, Иван Романович?

Жмельков. А чего мне говорить-то? И так времени мало.

Белоус (ест). Слушай, Лева, а что у тебя с этим... с Гаврилкой Рукавихиным?

Аграновский. Заболел.

Белоус. Что?

Аграновский. Заболел.

Белоус. Двести процентов, говоришь, выполняем?

Аграновский (резко). Да, двести, а не восемьдесят!..

Жмельков (взорвался). Неправый... Неправый ты в этом деле человек! Ну, я действительно... не выполнил плана — дал восемьдесят процентов... А почему?.. Потому я бараки строил, и нынче у меня каждый человек здоров и жив! Да я через месяц норму в четыре раза перекрою... А у тебя, Лев Семеныч, люди в землянках живут и еле ноги волочат.

Наташа. Ты меня извини, Ваня, но куда ты лезешь? Сорвал план, дал восемьдесят процентов... Ребята Аграновского герои, они в стужу, в метель шли в тайгу, добывая нужный строительству лес... А что в это время делал ты? Строил себе бараки.

Белоус. Слушай, Лева, а что у тебя случилось с Жержеленко?

Аграновский (не сразу). Пошел к черту.

Молчание.

Добров (тихо). Что случилось с Жержеленко, Лева?

Аграновский. Умер.

Наташа. Что? Жержеленко...

Молчание.

Бел о у с. Когда мы двинулись за лесом в тайгу, Добров велел тебе строить бараки, он обязал тебя создать людям нормальные жизненные условия. А что сделал ты? Погнался за красивой цифрой и раззвонил в газете о своих успехах!.. Почему ты нарушил его приказ?

А г р а н о в с к и й (не сразу). Ну-с, что еще?

Бел о у с. Весь свой лес Жмельков подал в город, а твои двадцать процентов остались в лагере. Весной возможен паводок, Левка, при бурном таянии снега и при дождях весь твой лес смоеет в Амур...

А г р а н о в с к и й. Это не запад. Разливы рек здесь бывают осенью.

Д о б р о в. Нанайцы говорят, что нынешняя весна необычна. Они ждут больших весенних дождей.

А г р а н о в с к и й. Нанайцы говорят... Не пригласить ли нам в качестве прорицателя их главного шамана?

Бел о у с. Признайся лучше, что у тебя нет людей, чтобы переправить лес в город.

Молчание.

Д о б р о в. На что ты надеешься, Лева?

А г р а н о в с к и й. С первым парходом придет новая партия строителей, и мы сможем подлечить наших ребят.

Ж м е л ь к о в (его явно злят слова Аграновского, и он хочет ему что-то сказать, но, видимо, не находит нужных слов и обращается к Доброву). Я пойду, Игнат Иванович. Решай как знаешь, только уж поскорее.

А г р а н о в с к и й. До свидания, Платон Каратаев...

Ж м е л ь к о в (улыбнулся). Читали.

Жмельков уходит, сталкиваясь в дверях с Лелей.

Л е л я. Товарищ Добров, меня прислал Тагиев...

А г р а н о в с к и й. Добров занят. Здесь совещание.

Л е л я (тихо). Я пришла не к тебе, Лева. (Доброву.) Тагиев просил передать вам записку и...

Аграновский (резко). Ты что, оглохла? Я же говорю —
Добров занят. Занят, понятно?

Добров (подходит к Леле). Что с тобой, Корнева?.. Успокойся, не надо...

Леля. Я больше не могу, Игнат Иванович... Отпустите меня в Москву, я уеду и никогда не вернусь...

Аграновский. Крысы покидают корабль...

Леля (тихо). Ты не должен со мной говорить, Лева. (Доброву.) Да, да, я очень скверный человек, и мне надо в Москву. (Тихо.) Если можно, поймите, как мне трудно.

Добров. Ты уедешь с первым пароходом. Если захочешь, Корнева.

Леля (путаясь). Так нужно... Спасибо... Вот записка... Здравствуй, Костя. (Уходит.)

Добров (помолчав). Где она работает?

Белоус. У Тагиева, на лесопилке.

Добров. Не вернуть ли ее в газету, а, Костя?

Аграновский. Я снял ее с газеты, ты возвращаешь обратно. Что ж, и в этом есть своя логика... Но ты приехал в город, когда трудности были позади, а впереди была весна... Тебе легко обвинять меня в жестокости, но мои двести процентов делают город, а бараки Жмелькова — нет!

Добров. Бараки Жмелькова сохраняют людей, которые выстроят город и будут в нем жить. Жить, Лева!

Аграновский. Не пристало большевику, Игнат Иванович, говорить языком старенького опекуна.

Наташа (отцу). Вспомни, когда вы шли сражаться, вас не страшила смерть. Почему же нас ты хочешь заставить быть трусами? Разве страшно отдать жизнь за счастье Родины?

Добров. Отдать жизнь... По-твоему, только в этом смысл героизма?

Аграновский. Уважаемый старший товарищ, иногда побеждают и мертвые.

Добров. Да. Но мне больше по душе, когда побеждают живые!

Аграновский. В твоей формуле перебор здравого смысла — в этом ее беда. Я знаю, ты старый большевик, но, прости меня, ты ни черта не понимаешь в молодежи!..

Белоус. Брось, Лева... Перестань красиво говорить.

Аграновский (не сдержался). Вот!.. Вот к чему привела твоя политика. Секретарь горкома комсомола — холуй и трус, который пляшет под твою дудку!.. Но я — я имею собственное мнение, и будь любезен его выслушать... Оппортунизм Белоуса и Жмелькова ведет стройку к гибели, к срыву всех планов, к катастрофе! Ты приехал сюда, как в свою вотчину, и хочешь навести свои порядки, но здесь стройка комсомола, а ты, кажется, вырос из комсомольского возраста!

Добров. Вспомни зиму — горком еще тогда требовал твоего исключения... Я поверил тебе и дал возможность работать. Чем ты ответил на это?

Аграновский. Дал двести пятнадцать процентов.

Добров. Твои цифры обман, Лева... Злой, бессердечный обман.

Белоус. Смотри, видишь бугор, вон там, ближе к Амуру... Думаешь, мы простим тебе, Левка... Лютика, Иру Миرونору, Жержеленко! Будь я жив — ни одного... Будь я жив!!!

Добров (помолчав). Сдашь участок Жмелькову сегодня к десяти вечера.

Аграновский. Хорошо.

Добров. Костя, нынче в одиннадцать вечера соберешь у меня всех бригадиров — надо готовиться к весне.

Аграновский. Мне приходить?

Добров. Нет.

Добров идет к двери, останавливается, смотрит на Наташу, уходит, Белоус идет за ним.

Наташа (подошла к Аграновскому). Пойми, как ты не прав... Пойми это, Лева.

Аграновский. Наташа...

Н а т а ш а. Нет, ничего не говори... Я зайду завтра, а сейчас нет... Прости. *(Быстро уходит.)*

Аграновский молча валится на кровать, закрывая лицо руками. Входит Аленушкин.

А л е н у ш к и н. Здоров.

А г р а н о в с к и й *(поднимает голову)*. Что надо?

А л е н у ш к и н. Там тебе топоры прислали.

А г р а н о в с к и й. Скажешь об этом Жмелькову.

А л е н у ш к и н. Вон как. *(Помолчав.)* Что, хлеб дают?

А г р а н о в с к и й. Дают.

А л е н у ш к и н *(отломил себе хлеба, жуёт)*. Эх, домой охота. Небось и тебя тянет, а? Я ведь был однажды в Москве. Там красиво. Помню, был в Большом театре. Люстры. Светло. *(Увидел револьвер.)* Чикалка? Интересно. *(Помолчав.)* Нет, самоубийство — это для городских, я на то не пошел бы... Потому что этим убиваешь в себе природу, а природа для человека — всё.

А г р а н о в с к и й *(усмехнулся)*. Думаешь, Жан-Жак?

А л е н у ш к и н. А у тебя, наверное, были об этом мысли.

А г р а н о в с к и й. Ты... Ты кто такой?

А л е н у ш к и н. Любитель жизни.

Молчание.

Только ты не убьешь себя, потому что ненавидишь людей, которые делают себе судьбу на твоём несчастье.

А г р а н о в с к и й. Я велю тебя арестовать... Ты, любитель жизни.

А л е н у ш к и н. Валяй. *(Разваливается на стуле.)*

В комнату вбегает Зяблик. Он в одеяле, с забинтованной шеей.

З я б л и к. Товарищ Аграновский. Дело в том, что, как известно, я заболел свинкой и был помещен в изолятор нашей больницы. *(Оглядываясь.)* К сожалению, я не имею времени для того, чтобы подробно осветить моральное состоя-

ние человека, насильственно ввергнутого в изолятор и лишенного всякой связи с общественностью стройки... Поэтому я перехожу непосредственно к существу дела, которое заставило меня временно покинуть больницу, выпрыгнув из окна изолятора.

Аграновский. Ты что, издеваться сюда пришел, негодяй!
Зяблик *(поспешно)*. Не имея возможности проявить себя в изоляторе иным образом, я начал изучать по моей карте естественный рельеф местности. В результате я пришел к выводу, что вашему лесорубному участку — так называемый Волчий ров — при сильных дождях грозит затопление. Обезопасить лагерь можно, только взорвав скалу у реки Маленки; при взрыве вода, получив естественный выход, незамедлительно уйдет в Амур. Вот карта, которая мой прогноз возводит в степень аксиомы. Ее необходимо как можно скорее передать Доброву.

Аграновский. Что ж, я передам твою карту... Должен, однако, предупредить, что всякая паника весьма опасна, поэтому не советую болтать в больнице о своих выводах.

Зяблик *(важно)*. Само собой разумеется.

За дверью шум.

Проклятье! Меня, кажется, настигли!

Входит Оксана.

Оксана *(увидела Зяблика)*. И тебе не совестно? Ведь ты же обещал... Ты дал мне слово никогда больше не лазать через забор.

Зяблик. Я и не лазал. Я выпрыгнул в окно.

Оксана. Уморить меня хочешь, да?

Зяблик. Но я совершенно здоров. Оксаночка, могу даже танцевать. Пожалуйста. *(Нелепо пританцовывает.)*

Оксана. Перестань меня волновать, слышишь! *(Ласково.)* Ну идем, идем в изолятор, лапушка...

Зяблик. Извините, товарищ Аграновский... Женщина. (Уходит, сопровождаемый Оксаной.)

Аленушкин (рассматривает оставленную Зябликом карту).

А он угадал... Парнишка-то.

Аграновский. А ты откуда это знаешь?

Аленушкин. Наблюдал в детстве, будучи мальчишкой.

Аграновский (смотрит ему в глаза). Ты что, местный?

Аленушкин. Было такое дело. Мой отец вредный был, нынче на высылке... А я погулял по России годок и вернулся. Сам знаешь, родные места... (Улыбнулся.) Тянет.

Аграновский. От комсомола это скрыл?

Аленушкин. Надо думать.

Молчание.

Так что свидетельствую — правдивая карта. Скалу надо взорвать, не то худо придется Жмелькову и Белоусу. (Значительно.) Ведь теперь за твой участок будут отвечать они.

Аграновский. А я не верю в это.

Аленушкин (грубо). Выписывай аммонал, Аграновский.

Аграновский (рвет карту в мелкие клочки). Не верю.

Аленушкин (смотрит в окно). Эх, солнышко...

ХОРОВАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Хор окружает игровые площадки.

Хор (поет).

«Прилетели птицы с юга,
На Амур пришла весна.
Жду тебя, моя подруга,
Жду тебя, моя подруга,
Там, где старая сосна.

И звезда над той сосною
Синим пламенем горит,
Будет мы тогда с тобою,
Будем мы тогда с тобою
Целоваться до зари.

Утром звезды догорают,
Солнца выглянут лучи,
Никакая сила злая,
Никакая, никакая
Нас с тобой не разлучит».

Тихонько звучит гитара.

Г о л о с и з х о р а (ч и т а е т п и с ь м о). «Здравствуй, Саша!
В первых строках должна тебе сообщить, что я вышла
замуж за Васю Лисичкина. Ты его знаешь — он такой хо-
роший. Ну, больше писать не о чем. Не сердись на меня.
Валя».

Г о л о с а и з х о р а. Не любила, значит, она тебя.

— А я так думаю — и тебя любила и Васю этого любит.

— А он какой, этот Вася, блондин или брюнетик?

— Блондин...

— Девушки всегда блондинов любят.

— И вовсе нет... Блондин или брюнет — большой роли не
играет. Важно — душа какая.

— А вот почему это всегда дураков любят?

— А по-моему, никакой любви нет. Так... одна привычка!

— А Ромео и Джульетта? Двух дней вместе не жили, а
любили так, что до сих пор о них помнят.

— То-то и оно... Жили бы они вместе лет десять, обяза-
тельно бы разлюбили друг друга.

— Зато при коммунизме любовь будет счастливая и дол-
гая.

— Почему?

— Потому что люди тогда станут такие замечательные,
что их нельзя будет разлюбить.

— Нет, Маркс говорил, что и при коммунизме будет не-
разделенная любовь.

— Ну и что?.. Настоящего человека неудачная любовь
делает сильным.

— Странно... У меня сестра бросила мужа. Он был герой —
красивый и умный... И вышла за какого-то замухрышку.

— Почему?

— Как — почему? Дурак ты... Потому что полюбила.

Гонг. Трибуна хора затемняется, свет переносится на игровую площадку. Солнечное утро. На крыше барака сидят Зяблик и Оксана. Поют птицы.

Оксана. Хорошо... Правда?

Зяблик. Да... (Что-то мастерит.)

Оксана. И все-таки лучше слезть с этой крыши, ведь ты только вчера вышел из больницы, а здесь сыро... Пять дней дожди шли.

Зяблик. Тише!..

Слушают птичье пение.

Знаешь, я могу разговаривать с птицами.

Оксана (заинтересованная). Ну-ка, поговори.

Зяблик свистит, птица отвечает ему.

Что ты им сказал?

Зяблик. Ну что можно сказать птице. Сказал.

Оксана. А почему тебя прозвали Зябликом?

Зяблик. Непостижимо. На пароходе прозвали.

Оксана. Ты смешной был тогда. Почему-то провалился в люк... Мне было тебя очень жалко.

Зяблик. Просто ты была влюблена в меня.

Оксана. Нет, это ты был влюблен.

Зяблик. Подожди... (Вынув платок, вытирает ей щеку.)

Оксана. Ты что?

Зяблик (целует ее в щеку). А все-таки ты первая влюбилась.

Оксана. Почему же ты оказался в моей бригаде?

Зяблик. Весьма просто — меня попросили уйти из других бригад, и я, естественно, оказался в твоей.

Оксана. А кто первый признался?

Зяблик. Ты.

Оксана. Нет, ты!

Зяблик. А я говорю, ты!

На крышу влезает Белоус, в руках у него фанера и гвозди.

Белоус. Ну, опять ссоритесь! Нет, браток, в нашем городе обижать девушек нельзя. Верно, Оксана?

Молчание.

А вы, собственно, зачем на нашу крышу залезли?

Оксана. Зяблик строит жилище для птиц.

Белоус (*улыбаясь, ворчливо*). Лазают тут всякие... Крышу всю продырявили... Придется ремонтировать.

Оксана (*обиженно*). Мы раньше сюда не лазали.

Белоус (*примеряет фанеру*). Да, с девушками надо уметь обращаться. (*Зяблику.*) Тонкая наука, скажу я тебе. (*Небрежно.*) Был сегодня на четвертом участке и нашел... первые подснежники. (*Дает цветы Оксане.*) Прошу. (*Зяблику.*) Видал? Девушкам надо цветы дарить, а ты бранишься. (*Хохочет.*) Тонкое дело. (*Он в отличном настроении.*) Нет, ты посмотри, посмотри на нее, Зяблик, какая это девушка! На твоём месте я влюбился бы в нее без памяти, а ты бранишься.

Неловкое молчание.

(*Оксане.*) Скоро лед пройдет, Оксана, опять поедem на лодке кататься.

Зяблик (*неожиданно*). А у нас в изоляторе сиделка была, так она умела лягушкой квакать... честное слово.

Оксана. Вот что, Костя, ты только никому не говори... Ты наш лучший друг — и... Я замуж вышла... за Зяблика.

Молчание.

Белоус. Так... Ну, это меняет дело... естественно. (*Зяблику, небрежно.*) Скворешню делаешь?

Зяблик. В общем... нечто.

Все испытывают неловкость.

Оксана. Который час, Зяблик?

Зяблик (ставит палку, смотрит на солнце, затем на тень от палки). Без двадцати два.

Оксана. Пошли на другую крышу.

Зяблик слезает с крыши. Белоус смотрит на Оксану.

Белоус. Подожди... (Помолчав.) Поздравляю.

Оксана (тихо). Спасибо.

Белоус. Всё.

Оксана вслед за Зябликом покидает крышу.

(Один.) Да... Это меняет дело...

Одинокий неуверенный голос из хора. Не горюй, Костя...

Другие голоса. Брось!..

— Обойдется!..

— Не горюй, морячок.

И хор, как может, начинает утешать Белоуса.

Белоус (жестом останавливает хор). Не надо!

Голоса из хора. Белоус!..

— Костя!..

— Белоуса к Доброву!

Из хора на площадку вбегают Нюра. Белоус в изнеможении лег на крышу.

Нюра. Костя, миленький, вставай!.. Тебя ж всюду ищут...

Белоус. Пусть, пусть ищут!.. Никуда не пойду — понятно?..

Нюра. А я говорю — полундра! Несчастье, Коська!..

Белоус. Нет мне ни до чего дела, поняла?..

Нюра. Константин... Волчий ров затоплен!

Хор. Константин!

Белоус (вскочил). Что?

Нюра. Пять дней шли дожди — Маленка из берегов вышла...

Лагерь окружен водой... Там люди остались, Костя... Тебя ищет Добров!

Хор. Там остались люди!

Белоус (берет Нюру за руку). Скорей, Нюрка!..

Они прыгают с крыши. Гонг. Темнота. На трибуне в световом луче девушка. Обратившись к ней, внимательно слушает хор ее слова.

Девушка. Помнишь, помнишь, Алешенька, ту страшную ночь в лесу? Был август, заходило солнце, мне было шесть лет, а тебе восемь. Мы шли по опушке леса, у тебя в ведерке было три масленыша, а я в платочке несла кузнечика-великана. И вдруг нам захотелось землянички. Только в детстве так бывает: захочется вдруг чего-то так отчаянно, так отчаянно, что подавай это немедленно — сию минуту. И вот мы вошли в зеленый звонкий лес, навстречу его веселым тайнам и наконец попали на землянику. От одной ягодки к другой шли мы все дальше и дальше, пока не перестали замечать ягоды из-за наступившей вдруг темноты. Мы огляделись по сторонам — маленькая девочка и мальчик — и удивились, какой был вокруг нас высокий и черный лес — волшебный, страшный, как в сказке. Высоко в холодном небе зажглись звезды, и нам вдруг показалось, что огоньки нашего родимого дома так же далеки, как эти звезды в небе... Мы стояли, взявшись за руки, посреди ночного леса, и нам было страшно... Помнишь, помнишь, Алешенька, как нам было страшно.

Гонг. Свет переносится на игровую площадку.

Волчий ров. На небольшом холмике, окруженном водой, стоят, прижавшись друг к другу, Альтман и Наташа.

Альтман. Пустяки! Штабеля выдержат. Лес крепко привязан к деревьям. Пустяки.

Наташа. Видишь вон тот кустик, его уже почти не видно.

Альтман мерит шестом воду.

Ну? Говори правду.

Альтман. Вода прибывает.

Долгое молчание.

Н а т а ш а. Почему ты не ушел вместе со всеми? Зачем ты остался?

А л ь т м а н. А почему ты не ушла?

Н а т а ш а. Надо было закрепить лес. (Помолчав.) И потом — Лева Аграновский... ведь это был его лес. Леве и так нелегко сейчас. Если бы он узнал, что лес его погиб... Нет, мы не имели права уйти.

А л ь т м а н. И кто мог знать, что вода так стремительно окружит лагерь.

Н а т а ш а (помолчав). Очень есть хочется.

А л ь т м а н. Обжора. (Подумав.) А знаешь, если мы умрем, нашу смерть назовут героической.

Н а т а ш а. Дурак... Все остришь.

А л ь т м а н. Что ж мне, плакать, что ли?

Н а т а ш а. В конце концов, все это очень страшно.

А л ь т м а н (тихо). Не спорю. (Пауза.) Кустика совсем не видно.

Н а т а ш а. Прощай, кустик... (Решительно.) Надо идти. Вставай!! Попробуем выбраться.

А л ь т м а н. Мы уже пробовали — час назад. Куда идти, когда кругом вода и каждый брод упирается в яму.

Н а т а ш а. Нельзя сидеть и ждать. Ты понимаешь, что это страшно — сидеть и ждать.

А л ь т м а н. Давай разговаривать. Ты любишь Московский Художественный театр?

Н а т а ш а. Я очень люблю Московский Художественный театр.

А л ь т м а н. А по-моему, этот театр лишен революционного романтизма.

Н а т а ш а. Нет... Там очень хорошо играют... Правдиво и верно... (Плачет.)

А л ь т м а н (садится около нее, гладит волосы). Нелепо. Все нелепо, правда? Хотел быть музыкантом — не вышло. Полюбил девушку — не вышло. Дезертировал — не вышло!.. Неудачник. Как это жалко выглядит. Неудачник.

Н а т а ш а (вскрикнула). Венька!.. Человек на штабелях... Вон там, правее, видишь?

Альтман. Нет... (Всматривается.) Над водой туман.

Наташа. Это за нами — из города... Спасены... Мы спасены,
Венька!

Альтман. Смотри... Что там?

Отдаленный грохот.

Наташа. Вода смывает лес... (Кричит.) Он подрубил наши
крепления!

Альтман (берет ее за руку). Идем... Скорее!

Наташа. Как же мы доберемся?

Голоса из хора. По бревнам...

— По бревнам!..

— По бревнам!..

Альтман. По бревнам... Мы дойдем!

Исполнители из хора кладут между площадками бревно.

Наташа (обнимает Альтмана). Пошли!

Вступает музыка. Наташа и Альтман ползут по бревну.

Скорее, Венямин!

Альтман. За бревно держись!.. Упадешь в воду...

Наташа. Я платье разорвала... Ты не обращай внимания.
(Вскрикнула.) Осторожно!..

Альтман. Пустяки.

Наташа. Уже близко... Держись, Веня!..

*Они добрались до второй площадки. Музыка замолкает.
Тишина. Перед ними Аленушкин.*

Женька!..

Альтман. Бросай топор! Бросай, ну?

Аленушкин (бросает топор). Сядем. Мы устали. Сядем.

Альтман. Ты что делаешь... Ведь этот лес... Мы за него
жизнью платили!

Аленушкин (устало). Не ори! Я сам жизнь отдаю... Сядем.

Не видишь, что ли, голова болит!.. Сядем.

Наташа. Как ты добрался до лагеря?

Аленушкин. Я знаю брод. (Вынимает хлеб, кладет его на землю.) Ешьте.

Наташа и Альтман едят хлеб.

(Свистит.) Подумаем, братики, как нам жить. (Свистит.) Я знаю брод. Я могу вас вывести. Когда мы придем в город, вы сдадите меня в НКВД. Верно?

Альтман. Да.

Наташа. Да.

Аленушкин. Есть такая возможность, что меня расстреляют. (Свистит.) Я не имею выгоды вести вас в город, но мне жалко вас, и я выведу тебя и тебя, зная свою смерть.

Альтман. Зачем ты это сделал, Женя?

Аленушкин. Затем, что я ненавижу людей, которые вас сюда прислали... Затем, что вы разорили мой дом и сделали меня одиноким! Затем, что я бегал здесь мальчиком, а теперь ничего не осталось!..

Альтман. Выводи.

Аленушкин. И выведу. (Альтману.) Бери топор. (Наташе.) А ты помогай ему. Надо кончить дело. (Яростно.) Руби канаты, которыми вы закрепили штабеля... Руби, чтобы весь лес унесло отсюда в самое Японское море.

Наташа. Не смей, Венька!

Альтман. Наташа, не смей!

} (одновременно).

Аленушкин. Вода прибывает, через полчаса брод будет затоплен, так что торопитесь.

Альтман. Сволочь. (Схватил топор.) Я убью тебя!

Аленушкин. Убьешь меня — сам погибнешь. (Усмехнулся.)

А вернетесь домой — про Левушку Аграновского расскажете... Он ведь заодно со мной был. Заманчиво?

Наташа. Нет, нет... Левка!..

Аленушкин. Все он знал, твой Левка... Все!

Наташа. Врешь!

Аленушкин. Врать перед смертью? Нет, девочка, игра на открытую пошла. (Помолчав.) Ну, будете работать?

Наташа. Нет.

Альтман. Нет.

Аленушкин. Что ж, помрем. Уважаю храбрых.

В небе рокот самолета.

Наташа. Самолет, Венька!.. Махай курткой, нас ищут!..

Альтман. Самолет... (Кричит.) Мы здесь!.. Мы здесь!..

Наташа и Альтман размахивают одеждой, что-то кричат. Аленушкин выбивает из рук Альтмана топор. Рокот самолета. Борьба. Рокот самолета. Альтман падает. Аленушкин, подняв топор, идет на Альтмана.

Голос из хора. Наташенька!

Наташа оборачивается. Из хора ей бросают револьвер. Она ловит его, стреляет. Аленушкин медленно валится на землю. Рокот самолета удаляется.

Аленушкин. Эх, солнышко... (Умирает.)

Наташа. Закрой его.

Альтман покрывает Аленушкина курткой.

Успокойся... Успокойся, слышишь, Альтман?

Альтман. Нас не заметили... Гуман.

Наташа (в облике ее что-то изменилось). Теперь мы должны добраться до города. Во что бы то ни стало должны.

Альтман (смотрит на нее). Аграновский?

Наташа. Да.

Гонг. Темнота. Тревожные удары колокола. Туман. На мосту Жмельков и Аграновский. У Жмелькова перевязана голова, он еле стоит. Аграновский поддерживает его.

Аграновский. Что там? Что на Волчьем рву?

Жмельков. Прости меня, Левка... Это я виноват. Не смог увести людей... (Чуть не плачет.) Ты понимаешь, что это для нас... Дело всей зимы — весь наш лес, Левка!..

Аграновский. Как ты мог... Наташу!..

Жмельков. Я думал, она ушла с первой партией... Теперь я знаю — они остались укреплять лес, чтобы вода его не смысла. (Пауза.) Лева, не молчи — ты ее любишь, да? Их отыщет самолет, ты верь в это и будь спокойным... Ты партийный человек, ты должен быть спокойным.

Аграновский. Сегодня утром меня исключили из партии. Теперь я имею право заплакать... (Яростно.) Я беспартийный, понял?

На мост вбегают Добров, с ним Белоус и еще двое ребят.

Добров. Белоус, собери людей и беги на пятый участок... Забивайте лес, скорее, Костя!

Белоус с ребятами убегает.

(Перегнувшись через перила, кричит кому-то вниз.) Копейка! На сколько сантиметров поднялась вода? Пусть с того берега дают сводки! (Увидел Жмелькова.) Я велел тебе лечь в постель. Что ты торчишь здесь на мосту и всем мешаешь?

Жмельков. Самолет вернулся?

Добров. Да. Покровский вернулся один. Над Волчьим рвом туман.

Нюра (вбегая). Игнат Иванович, дай нам хорошего леса. Мы сделаем плоты... даю тебе слово — мы доберемся до лагеря!

Хор. Дай нам хорошего леса.

Жмельков. Там кустарник, ребятки.

Нюра (Доброву). Дай нам леса! До первой воды мы понесем плоты на руках.

Хор. Дай нам леса!

Добров. Беги к Самойлову... Скажешь — я разрешил.

Нюра убегает.

Жмельков. Жмельков ведет свой участок на гибель — вот

что сказал Лева, а ему никто не поверил... (Взмахнул рукой.) Почему вы исключили его из партии?

Добров. Ступай в барак — слышишь? (Обнимает его.) Ты ни в чем не виноват... Ни в чем, Ваня...

Жмельков (упрямо). Я пойду, где плоты...

Добров. Ты пойдешь в постель... Ты волнуешь людей своим видом, понял?

Аграновский. Что ты со мной сделал... Я не могу стоять, положив руки в карманы.

Добров (кричит вниз). Копейка! Перестаньте звонить — этого не нужно!

Аграновский. Ты отнял у меня все. Тебе мало было партии, ты отнял у меня Наташу... Это ты послал ее в Волчий ров!

Добров. Ты замолчишь, или я сброшу тебя вниз. (Кричит.) Копейка! Почему не дают сводки? Я иду к тебе, Копейка. (Уходит в сопровождении Жмелькова.)

По мосту бежит Зяблик, увидел Аграновского, остановился.

Зяблик. Где моя карта? Меня засмеяли и не пустили к Доброву... Почему все надо мной смеются?

Аграновский. Потому что ты всем надоел со своими выдумками.

Зяблик. Кому ты отдал мою карту, Лева?

Аграновский (чуть помолчав). Я сдал ее со всеми делами Жмелькову, в тот же вечер.

Зяблик. Так... Значит, они не поверили мне. (Горячо.) И все-таки я спасу Волчий ров!..

Аграновский (трясет Зяблика). Что ты еще задумал? Сейчас же говори... Ну?

Зяблик. Рассказать? Чтобы надо мной снова все смеялись? Ну нет. Теперь я все сделаю сам... (Убегает.)

Аграновский (один). Чепуха...

Белоус (бежит по мосту). Где Добров?

Аграновский. Не знаю...

Оксана (вбегая). Константин, ты не видел Зяблика? Он украл у Самойлова аммонал...

Аграновский. Что?

Белоус. Меня не интересует твой Зяблик, понятно?

Оксана. Зачем ему аммонал? Я боюсь, Костя... Он пришел к Самойлову, показывал ему какие-то фокусы, а потом Самойлов заметил...

Белоус (резко). Его арестуют, твоего Зяблика, и вышлют обратно в Саранск. Он надоел всему городу...

Взрыв.

Оксана (тихо). Костя...

Гонг. Темнота. Барабанный бой. Хор встает, поднимая знамена.

Мужской голос. Осенью тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года я приехал в этот город, в котором никогда не бывал прежде. Ранним утром пришли мы на берег Амура, к братским могилам комсомольцев первого призыва. Дул злой, осенний ветер. Сняв шапки, стояли мы молча на берегу и смотрели на город, который поднялся над тайгой. «Почему нет памятника на могилах?» — спросила меня моя спутница. Что я мог ей ответить. Сверстники мои, герои первой зимы, коммунары тридцать второго года, — разве не заслужили вы вечного бессмертия?..

Барабанный бой. Хор со знаменами в руках выбегает на первую игровую площадку. На второй площадке Жмельков выносит на руках Зяблика и опускает его на землю. Рядом Оксана, Белоус.

Зяблик (тихо). Взорвал?

Белоус. Зачем... Зачем ты это сделал, Зяблик?

Зяблик. Я составлял карту нашего города... И вот мне пришла в голову идея... Чудесная идея... Почему ты не поверил мне, Ваня?

Жмельков. Зачем ты взорвал скалу?

Зяблик. Вода уйдет из Волчьего рва — скала закрывала ей дорогу. Наташа и Альтман вернутся... Не сердись, Костя... (Смотрит на Оксану.) Милая... до свидания... (Умирает.)

Бьют барабаны. Хор склоняет над Зябликом знамена.

Картина шестая

Весенняя ночь на исходе. Высокий холм на берегу Амура. Оксана медленно поднимается на вершину обрыва, отсюда год назад она говорила свою речь. Вдали слышатся крики, смех, музыка. По дороге, обнявшись, идут парень и девушка, остановились, смотрят на Амур.

Он. Смотри — весь город вышел на берег...

Она. Ждут первого парохода...

Он. Новенькие едут... Интересно!

Она. Да... (Ревниво.) Приедут новенькие — и забудутся старенькие.

Он. Вот дурачок... (Целует ее.)

Она (счастливая). Знаешь...

Он (тихо). Что?

Она. В нашем городе никогда не будет нищих...

Проходят. Взявшись за руки, бежит вторая пара.

Он. Хочешь, я влезу на самую высокую сосну?

Она. Хочу.

Он. Хочешь, я переплыву Амур?

Она. Хочу.

Он. Хочешь, я выучу наизусть всего Пушкина?

Она. Хочу.

Он. Хочешь... Мы никогда не расстанемся?

Она. Хочу.

Он целует ее, и они стремительно убегают к реке. По дороге идет одинокий парень.

Одинокый парень (остановился). А почему нет?.. Может быть, она едет сейчас на пароходе... Едет и не знает даже, как меня зовут. И я тоже не знаю, какая она... курносая, тоненькая-тоненькая... и сколько ей лет? (Ласково.) Сидит себе сейчас на палубе на чемоданчике и ничего не знает... (Встревожился.) А вдруг она меня разлюбит? (Подходит к Амуру и кричит.) Э-ге-гей!

Эхо отвечает ему.

Все-таки интересно, как ее зовут?.. (Проходит.)

Идет третья пара. Снизу от реки поднимается Добров, останавливается у сосны, смотрит вокруг.

Он (продолжает)... И вот, когда Зяблик взорвал скалу, вода ушла из Волчьего рва... Мы дошли до лагеря, но Наташи и Альтмана не было. Верно, спасаясь от воды, они ушли в тайгу и там заблудились.

Она (задумчиво). Уже пятнадцать дней прошло...

Он. Они вернутся, вот увидишь... Зяблик сказал, что они вернутся.

Проходят.

Оксана (подошла к Доброву). Вы один?

Добров. Скоро светать станет... Сегодня теплая ночь.

Оксана. Да... Первая весна города. (Тихо.) Хотите, я принесу вам его дневник; он очень про будущее писал замечательно — я читала девочкам, и мы все радовались... И плакали, конечно.

Добров. Ты не сердись, Оксана, но, может быть, тебе лучше уехать? Тебе трудно здесь — все напоминает...

Оксана. Нет, я ничего не хочу забыть. Где бы я ни была, я всегда буду его помнить. Может, такая любовь и есть счастье?

Добров. И я думал так же пятнадцать лет назад, когда она умерла... Я ведь сам воспитал Наташу.

Пауза.

Оксана (прислушиваясь). Хорошо поют у нас...

Добров. Скоро придет пароход.

Оксана (задумчиво). Им будет легче. (Помолчав.) И все-таки город будет! И площадь Фомы Кампанеллы, и проспект Карла Маркса, и все, как он говорил.

Идет еще одна пара.

Она. А как его звали?

Он. Василий Васильевич. Никто в городе не знал об этом. Все звали его Зябликом.

Она (задумчиво). Василий Васильевич...

Проходят.

Оксана (Доброву). Они вернутся. Самойлов дал слово, что не выйдет из тайги, пока не найдет их.

Добров. Нанайцы видели их следы — они живы, в это я твердо верю... Но выйти из тайги без компаса — нелегкое дело.

Оксана. А бригада Шостока? Два месяца блуждали они по тайге и все-таки вернулись.

Добров. Пойдем-ка туда, где люди... Пойдем, Оксана?

Оксана. Я догоню вас.

Добров уходит. По дороге идут Жмельков и Нюра.

Жмельков. Говорю тебе, я не умею танцевать. Вовсе. Совсем не умею.

Нюра. А вот и хорошо. Давай сядем.

Жмельков (садится). И потом... Я какой-то необаятельный.

Нюра (фыркнула). Скажет... Ты у нас, Ванечка, самый что ни на есть!

Жмельков (помолчав). И потом — я высказать не могу все красиво.

Нюра. Высказывать не требуется... Эх, помолчать лучше. Я уж давно об этом думаю.

Жмельков. Об чем?

Нюра. А вот — не помолчать ли. (Подумав.) И верно, ну что я все звоню, треплюсь... Вокруг такие дела! Ох, Ваня,

пришло мое времечко (кладет ему голову на плечо) — при-
задуматься хочу.

*Издали слышится смех, шум, крики. Вбегают Белоус,
за ним группа ребят.*

Белоус (на вершине холма). Нашел! Нашел, ребята! Види-
те — три сосны и холм — вот здесь год назад мы провели
нашу первую ночь...

Жмельков. А помните разгрузку? А митинг?..

*Все, словно вспоминая, тихонько аплодируют. Вот так
стояли они год назад и аплодировали Оксане.*

Оксана (тихо). Клянемся партии, клянемся правительству,
не щадя жизни своей...

Нюра. Вот здесь стояла наша палатка!

Жмельков. А тут я разжигал костер!

Белоус. А здесь с меня рубаху сняли...

Девушка. А тут Зяблик зеркало свое вынул...

Нюра. А потом пошел дождь, и мы спрятались под брезент.

Оксана. И вокруг не было ни одного барака.

Белоус. А вон там, где строится верфь, стояла старая пустая
бочка... (Запел тихонько.)

«На востоке можно жить,
Есть что строить-соорудить».

*Песню подхватили. Входит Леля с чемоданом. Все за-
молчали.*

А помните наше эхо? (Кричит.) Э-ге-ге-ге-гей...

Эхо отвечает.

Нюра. А ну, братики, давай все вместе... Три, четыре!
Все. Э-ге-гей!

Эхо отвечает. Тишина. Где-то закуковала кукушка.

Леля (вздрагнув). Альтман...

Пауза. Кто-то запел «Там вдали за рекой...». Все подхватили песню.

Н ю р а. А звезды у нас какие... Много их.

Д е в у ш к а. Сосчитай-ка...

Входит А г р а н о в с к и й. Смолкла песня. Молчание. Вдали гудок парохода.

Подходит! Пароход подходит!

В с е (кричат, скандируя). Здрав-ствуй-те, това-ри-щи!

Н ю р а. Ура!

В с е. Ура! (Машут шапками, платками.)

П а р е н ь. Скорее на пристань!..

Все с криком бегут вниз к берегу. Остаются только Белоус, Оксана, Леля, Аграновский.

Б е л о у с. Подходит! И огни на воде... Красиво!

О к с а н а. «Колумб!» Это наш «Колумб», Костя!..

Л е л я (тихо). «Колумб».

А г р а н о в с к и й. Забавно... Мы оказались попутчиками, Корнева.

Слышно, как внизу, на пристани, заиграл оркестр.

Л е л я. С тобой?

А г р а н о в с к и й. Увы, но мы лишние на этом балу. (Протягивает ей руку.) Идем, наш бедный Христофор причаливает...

Л е л я (отступая от его руки). С чего ты взял? Я никуда не еду...

А г р а н о в с к и й. Шутите, Лелечка?.. А чемодан?

Л е л я (бросает чемодан в Амур). Пустяки.

А г р а н о в с к и й. Прощайте. (Уходит.)

Л е л я (тихо). Остаюсь... Совсем! (Кричит.) Навсегда! Слышишь, Костя?..

Б е л о у с (просто). Идем, Лелька... Надо говорить речь приехавшим.

Л е л я. А что ты им скажешь, Костя?

Белоус. Я расскажу им о городе, о зиме, которую мы пережили, о бригаде Жмелькова... О Зяблике...

Оксана (подходит к Белоусу). Скажи им, что у Зяблика будет сын... Скажи им, Костя...

Белоус молча и долго смотрит на нее, а потом протягивает ей маленькую зеленую веточку. Вдали слышатся звуки оркестра. Приветствуя вновь прибывших, вбегают строители города. Все ждут появления приехавших, и именно в это мгновение с противоположной стороны, из-за холма, появляются, поддерживая друг друга, Наташа и Альтман. Их не видят. А внизу — шум, крики, приветствия. Светает. Над городом всходит заря. Усталые, оборванные, счастливые, не в силах больше сделать ни шагу, ложатся Наташа и Альтман на землю и засыпают. Смолкает шум. Их увидели. Белоус жестом останавливает толпу, заботливо укрывает Наташу и Альтмана своим бушлатом.

Белоус. Тише... Они спят. (Обращаясь к зрителям.) Они спят и видят во сне... вас.

Хор (зрителям). Тсс... Тише... Тише...

Занавес

1941 (редакция 1957 г.)